

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

АНДРЕЙ БУТОРИН

ПОДЗЕМНЫЙ ДОКТОР

FUTURE CORP.

Андрей Русланович Буторин
Метро 2033: Подземный доктор
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»
Серия «Мутант», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17036764
Буторин, Андрей Русланович. Метро 2033: Подземный доктор :
[фантастический роман]: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-094281-7

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Две тысячи тридцать третий год. Разрушенный Последней Войной Великий Устюг, один из древнейших городов Русского Севера. Мутант Глеб, кажется, вполне счастлив в браке с юной Снегурочкой-Сашей. Можно даже забыть ненадолго о собственной устрашающей внешности и о том, что между правителями города, Святой и Дедом Морозом, продолжается вялотекущая «шахматная партия», а точнее – шашечная игра в поддавки. Можно... если бы за «доской» не объявился новый игрок – таинственный «архангельский демон» с его не менее загадочной свитой чуть ли не из самой преисподней. И на кону теперь нечто куда более важное, чем просто выбиться в дамки.

Содержание

Старый, новый, светлый	6
Пролог	9
Глава 1	21
Глава 2	38
Глава 3	52
Глава 4	71
Глава 5	85
Глава 6	107
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Андрей Буторин

Метро 2033.

Подземный доктор

*Выражаю признательность моему сыну
Денису за бета-тестирование и предварительную
редактуру романа.*

*А мы живем в мертвящей пустоте,
Попробуй надави – так брызнет гноем,
И страх мертвящий заглушаем воем —
И те, что первые, и люди, что в хвосте.*

*И обязательные жертвоприношенья,
Отцами нашими воспетье не раз,
Печать поставили на наше поколенье —
Лишили разума, и памяти, и глаз...*

В.С. Высоцкий

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

© Д.А. Глуховский, 2015

© А.Р. Буторин, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Старый, новый, светлый

Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

Здра-аавствуйте! Угада-аайте, кто я?

Нет, вовсе не адмирал Крузенштерн. Приглядитесь-ка по-лучше. Вроде, с бородой. Вроде, зимой. Вроде даже, не с пустыми руками. Значит... Стоп, но, с другой стороны, новогодние праздники, вроде, уже отшумели, петарды отхлопали и головы отболели (разумеется, у той части наших читателей, которая даже не шестнадцать, а все полноценные восемнадцать плюс. А то и двадцать один, если законопроект таки продавят). И вообще, на дворе уже вовсе две тысячи шестнадцатый. Так?

Может, и так. Но если не случится ничего ужасного, то эта книга вполне может оказаться у вас в руках прямо в канун старого Нового года. А значит, я еще с полным основанием могу поиграть в Деда Мороза. Только, чур, не такого, как в романах Андрея Буторина. Жена не поймет.

В общем, дорогие мои выжившие, кроме традиционных поздравлений и желаний мы с Андреем приготовили вам настоящую русскую народную сказку. Разве что не зимнюю, но это, может, и к лучшему – во время зимы вновь очутиться

в лете, пусть и на Русском Севере. Во всем остальном же... Ну, смотрите сами. У нас есть:

Дед Мороз;

Снегурочка;

царица-колдунья;

страшилище-великан с золотым сердцем, да еще и гораздый огонь вызывать;

еще один то ли колдун, то ли вовсе демон, который, говорят, может оживлять мертвых и соединять живое с неживым;

русалочка;

добрый дракон-балагур;

говорящие полулюди-полуволки, полулюди-полумедведи и даже один волк с человеческой головой;

«шитые братцы» с разновеликими руками-ногами;

совершенно волшебные темные леса, быстрые реки и высокие горы... пardon, увлекся. Высокие горы в романе отсутствуют. Зато присутствует во всей своей красе наша «Вселенная» в преломлении творческого видения Андрея Буторина. А он даже такую мрачную штуку, как постапокалипсис, ухитряется подать именно как сказку. Где надо – страшную, где надо – поучительную, а где – и откровенно забавную. И при всем этом – неизменно волшебную, добрую и светлую, с четким прицелом на счастливый конец, торжество «наших» и справедливое наказание «ненаших», ну и, разумеется, на «жили они с тех пор долго и счастливо».

Кто-то скажет: «не бывает».

Кто-то скажет: «не верю».

А кто-то – как Сергей Владимирович Михалков:

... под Новый год
Что ни пожелается —
Всё всегда произойдет,
Всё всегда сбывается.

Вы ведь не забыли, что у нас в этот раз все проходит под маркой «старый новый»? Старый Новый год. Старый новый Буторин. Старая новая «докладная записка». Старая новая сказка. Старая новая «Вселенная».

Вот я и пожелал – да и сейчас продолжаю искренне желать – всем нам в новом году побольше сказок и поменьше катастроф. Ведь недаром говорят: «Как год встретишь – так его и проведешь».

Пролог

Тьма туннеля слепила глаза. Так, во всяком случае, казалось Венчику. Он даже закрыл их. И сразу о том пожалел – Игорь всё заметил и зашипел, дурачась:

– Что, стручок, страш-ш-шшно?

– Не страшно мне, – дернул плечом парень. – Просто не видно там ничего, зачем попусту зенки пялить?

Запахло землей, облицованные кирпичом стены кончились. Юноше стало совсем неуютно; в животе противно заныло, будто кто-то сдавил холодной ладонью внутренности.

– Будет видно, будет, погода, – успокоил старший дозорный. – Вот дойдем до развилки, фонарь зажжем. А пока и без света не заблудимся. Масло-то, сам знаешь, беречь надо. Да и себя огнем выдавать ни к чему.

– Вот и стояли бы на посту, чего мы сюда-то поперлись? Семен узнает – тебе же попадет, что пост оставили, ты старший.

– Не бойсь, не узнает, – усмехнулся Игорь, продолжив поход во тьму. – Если, конечно, ты не доложишь. Но ты ведь не из тех, кто на друзей стучит, правда, Венчик? Да и не нарушаем мы ничего, если подумать. Ведь пост почему там, где он есть, – не дальше, не ближе? Ну-ка, включи соображалку, дозорный!

Венчику, что и говорить, приятно было услышать такое к

себе обращение. Дозорный! Иногда их называли еще карательными, даже Семен так порой к ним обращался, но «карательный» – это что-то, скорее, обыденное, обобщенное, а «дозорный» было почти званием, которое носят с гордостью и честью. Вот ведь, еще совсем недавно завидовал этим смельчакам, уходящим на пост с автоматом за плечом, а теперь, как шестнадцать исполнилось, и сам таким стал. Без автомата пока, правда, ну так «калаш» всего один – ведь и ходят в дозор поодиночке. То, что их с Игорем двое, – это только сейчас, поначалу, пока он, Венчик, привыкает. Сходят еще два-три раза на пару, тогда и ему автомат доверят и одного на дозорный пост отправят. Нужно только проявить себя как следует: шагать в эту чертову тьму и не показывать, что поджилки трясутся, да на вопросы отвечать быстро и точно – наставление для дозорных выучено наизусть.

– Пост находится там потому, – уверенно начал он, – что там еще хватает света, чтобы заметить движение по туннелю. Но пост расположен не очень близко к жилью, чтобы, если нападающих окажется много и они всё же прорвутся, люди смогли приготовиться к бою, а старики, женщины и дети успели уйти по туннелю в сторону центра.

– Правильно, стручок, – потрепал волосы Венчика наставник. – Но правильно для того случая, когда дозорный один. Если бы он покинул пост, зашел в глубь туннеля и здесь на него напали, то он бы просто мог не успеть предупредить людей об опасности. А нас-то с тобой двое! Я, ежели что,

отбиваться останусь, а ты назад побежишь, тревогу бить.

– Разве что так, – вздохнул Венчик. – Только всё равно, зачем?

– Так для тебя же, бестолковый! Должен же ты представлять, откуда следует опасности ждать и какая именно прийти может. Или на посту стоят, только чтобы перед девками крутизной хвастаться: вон я какой, с настоящим «калашом»?

– Перед какими девками? – едва не завопил в голос юноша, радуясь, что темнота туннеля скрывает покрасневшее лицо. – Были бы девки-то еще...

– А Катька? – хохотнул, двинув плечом в плечо, Игорь. – Так тебя глазищами и облизывает, того и гляди слопают. А Лолка Кудряшова? Ту бы я и сам слопал, да меня Верка моя на куски порубит, в фарш перетрет и свиньям скормит.

– Катька – дура, – буркнул Венчик. – У нее и без меня хватает, кого лизать и кого лопать. А Лолка – старуха уже, ей за двадцать давно, до Катастрофы родилась.

– Сам ты, паря, дурак, – вздохнул наставник. – Старуха!.. Да Лолка – она... Эх!.. Ладно, хорош, в дозоре не о девках думать надо.

– Так ты же сам начал!

– Не шурши, стручок! Как начал, так и закончу. Давай к делу вертаться. А ну, говори, откуда здесь опасности ждать?

– Понятно откуда, – буркнул Венчик. – От реки. Туда и выйдешь, если по туннелю до конца топать. А у реки – бандиты. Говорят, их уже сто собралось, а то и больше.

– Кто такие бандиты? – продолжил экзамен Игорьь.

– «Дикие» мутанты, которых не пустили в Устюг. Вот и чего прутся? Сидели бы в своих лесах, шишки лузгали. Здесь и своих уродов хватает, – сплюнул парень, – морозовцев долбаных.

– Они, кстати, тоже могут по туннелям пробраться, – заметил старший дозорный. – Но это, брат, не все...

– А кто еще-то? «Архангельский демон» со свитой из преисподней? – сдавленно и весьма неестественно хихикнул Венчик. Ладонь, сжимавшая проволочную ручку масляного фонаря, внезапно вспотела, фонарь едва не выскользнул. Пришлось перехватить его другой рукой, а эту вытереть о штаны. – Только не говори, что ты веришь в эти сказочки. И меня ими кормить не надо, мне шестнадцать, а не шесть.

– То-то и оно, Вениамин, что тебе всего лишь шестнадцать, – сказал старший дозорный тоном, от которого Венчику враз расхотелось шутить. – Стручок ты еще, а потому не знаешь многого. Детишкам ведь не всё говорят, а если те услышат что, о чем знать еще рано, то им на сказку и перекладывают.

– Ты хочешь сказать, что «архангельский демон» и правда есть? – невольно остановился паренек. – Но ведь это же... Да нет, ты прикалываешься, напугать меня думаешь.

Игорь тоже остановился. В ставшей почти непроницаемой темноте туннеля едва проступали два маленьких пятнышка – белки его глаз.

– Я тебя не пугаю. Мы в дозоре стоим, а не байки травим. Но ладно, если это, по-твоему, сказки, тогда назови, куда какие отворотки от этого туннеля ведут?

– Ближе к реке одна налево уходит, – начал вспоминать рассказы старших Венчик. – Раньше там тоже храмовники жили, а потом на них напали – давно еще, – и они ход заваляли.

– Кто напал? – поинтересовался, как бы невзначай, Игорь.

– Не знаю... не помню, – помотал головой парень. – Морозовцы, наверное.

– Ладно. С той развилкой понятно, хоть и не совсем. А с этой, к которой идем, что?

– Ну, там прямо будет тот ход, что к реке... Где та, другая, отворотка. А еще на этой развилке есть два других прохода; тот, что сразу слева, – он тоже засыпан, давно уже, совсем давно, наверное, когда Катастрофа была.

– А третий? Тот, что еще левее?

– Третий... – пробормотал Венчик. – Так про него и говорят... Ну, того...

– Чего «того»? – подстегнул напарник замолчавшего парня. – Говори, не мямли.

– Говорят, что там и живет «архангельский демон» со своей... этой... свитой, – сглотнул внезапно пересохшим горлом юноша.

– Ты вот что запомни, паря, – положил Игорь на плечо Венчику ладонь и слегка подтолкнул: шагай, мол. – Дыма

без огня не бывает. А дозорный должен всё учитывать, даже сказки и байки. Лучше, как говорится, перебдеть, чем потом локти кусать. Если будет чем. И если сами локти останутся.

Дальше ноги Венчика не хотели идти ни в какую. Следующий шаг дался юноше с таким трудом, будто на плечи легла каменная плита. Он почувствовал, как взмокла спина. Со лба к носу скатилась холодная капля, пробежала по губам и сорвалась с подбородка.

– Но ведь... разве... это... – запыхтел паренек, словно и впрямь мешала говорить давящая тяжесть. – Неправда же все... про демона. – Последнее слово Венчик произнес почти шепотом.

– Ты смотри только в штаны не наделай, – хмыкнул старший дозорный. – Может, и правда назад повернем?

– Не надо назад, – замотал головой юноша. При мысли о том, что расскажет о нем Игорь другим дозорным, стало по-настоящему дурно, все остальные страхи мигом скукожились и поблекли.

– Тогда шагай, – сурово сказал Игорь. – И слушай. Демон не демон, а кто-то там живет. Сам не видел, врать не буду, но и байки тоже зря травить не стану. Я тогда меньше тебя был, в дозор еще не ходил, но батя мой, царство ему небесное, сказывал, что вышли на него два волка...

– Волки!.. – облегченно выдохнул Венчик.

– Ты дальше слушай, – недовольно буркнул наставник. – Волки и так-то – откуда тут? Но то были не просто волки,

а уроды, мутанты. Шерсти нет – одни клочки да ошметки. Хвосты тоже голые, точно у крыс. Тело белое, как тесто; где бугрится, где в ямах; и в нарывах всё да в корке гнойной. И длинное, будто червяк толстый. Лапы тоже длинные, мощные, а на передних – будто пальцы с когтями. Морды, как всё остальное, без шерсти, да такие, будто ими в угли горячие тыкали – в красной пленке да шрамах. А глаза желтым огнем светят, что твои фонари. Но самая-то жуть не в этом – уродов и пострашнее видали...

– А в... ч-ч-чем? – не в силах унять напавшую дрожь, проклацал зубами парень.

– А в том, что они говорили.

– Что г-г-гово... рили?... – едва протолкнул сквозь сжавшееся горло Венчик.

– Неважно что, главное – по-человечьи трындели волки эти.

– Это были слуги демона? – перестал заикаться юноша. Ему больше не было страшно. Ему стало так жутко, как не случалось ни разу до этого, а потому сознание не сразу разобралось в новом для него чувстве.

Старший дозорный, успокоенный ровным тоном подопечного, ответил:

– Может, и слуги, только вот демона – вряд ли. В эту чертовщину я как-то не верю – считаю, то и впрямь сказки. Да и «архангельского демона», слышал я, еще и по-другому называют...

Венчик хотел закричать: «Не надо больше про демонов!», но изо рта само, без его воли, вырвалось:

– Как?..

– Подземным Доктором, вот как.

Такой ответ неожиданно успокоил юношу. Доктор – это понятно. Доктор – он лечит, добро делает. Про говорящих волков Венчик сразу забыл; сознание, скорее всего, поспешило переключиться на знакомое и нестрашное.

– А кого он лечит?

– Может, лечит, а может, калечит, – многозначительно изрек Игорь.

– Как это?.. – вновь подавился комком в горле парнишка.

– Не знаю я как! – сердито забубнил напарник. – Говорю, что от других слышал, а те тоже не сами видели. Только таких волков и потом встречали. И не только таких... И не только волков. Сказывали, в проходе том раз и медведя встретили. С человечесьей башкой. А кто медведю голову от человека прикрутит? Не сам же.

– Д-доктор?.. – вновь стало трясти юношу.

– Так а кто же еще-то? Подземный Доктор и есть, – трагическим шепотом выдохнул Игорь. – А вдруг да и демон, кто знает... Ведь «архангельский» он, может, не потому, что из Архангельска прибыл – чего там демону делать, – а потому, что его архангелы с неба скинули, под землю загнали. Вот он теперь от злобы и бесится, над зверьем измывается.

Будь Венчик чуть поумней да постарше и не сжимай его

сердце дикая жуть, он бы уловил в тоне напарника притворный наигрыш. Понял бы, что молодому мужчине скучно с ним, сопляком, вот и куражится тот, выдавая и в самом деле всего лишь байки да слухи за чистую монету, да еще и от себя добавляя, что в голову взбредет.

Наверное, парень все-таки попросил бы Игоря вернуться, если бы напарник не сказал:

– Всё, прибыли. Развилка где-то тут. Давай, посвети.

Венчик поставил фонарь на землю и достал зажигалку. Сварганенная из автоматной гильзы самоделка и так-то редко зажигалась с первого раза; сейчас же, едва не роняя ее из трясущихся пальцев, юноша смог высечь огонь раза с десятого. Поднял стекло фонаря, поджег фитиль и снова зажал проволочную ручку в ладони.

– Выше подними, – буркнул наставник. – Что себе под ноги светишь?

Венчик приподнял фонарь. По стенам туннеля заплясало желтое пятно света.

– Ты чего там, чечетку пляшешь? – глянул на паренька Игорь. – Ровно не можешь держать?

– Так куда светить-то? – спросил тот. – Я ведь не знаю.

– Вперед свети, отворотки слева будут, сам ведь рассказывал только что.

Юноша изо всех сил старался, чтобы державшая фонарь рука не дрожала. От напряжения Венчик почти забыл о страхе, отчего, в свою очередь, поутихла и дрожь.

Старший дозорный снял с плеча автомат и пошел вперед, бросив через плечо парню:

– Ступай следом, только пятки не отдави. И не отставай, свети хорошенько.

Сзади идти было страшно, Венчик почти осязаемо чувствовал спиной и затылком мрак подземелья. Однако ему тут же подумалось, что на месте напарника еще страшнее: все-таки позади дом, опасность оттуда угрожать не может, а вот впереди...

– Вот она, – мотнул стволом «калаша» Игорь. – Сейчас выйдем к развилке.

Старший дозорный прошел еще немного и остановился.

– Свети туда, – вновь воспользовался он автоматом вместо указки.

Юноша исполнил приказ. Обернувшись, он увидел: туннель делится на три ветки. Взгляд, конечно, притягивала самая правая, ведь именно там, если верить напарнику, и жил «архангельский демон». Или Подземный Доктор – еще неизвестно, что лучше.

– Ближе подойди, чего ты шею тянешь? – позвал его наставник.

– Мне и отсюда видно.

– Что тебе видно, дырку в стене? Ты подойди и внутрь посвети, вдруг там монстр притаился.

Сейчас паренек понимал, что напарник просто насмехается, но менее страшно от этого не стало. Однако деваться

было некуда, пришлось подойти и вытянуть вновь задрожавшую руку к правому ходу.

Осветились стенки туннеля, ничем не отличающегося от того, по которому они шли. И темнота в его глубине была точно такой же – густой и черной, хоть и казалась Венчику более зловещей. Но все же парень невольно выдохнул: никто на него из прохода не выпрыгнул, ничьи жуткие морды оттуда не высунулись, никакие глаза из темноты не светились. Или... что это там? Ведь что-то блеснуло двумя колючими желтыми углями! Показалось?.. Нет?..

Юноша впился взглядом в глубокую тьму туннеля. Она словно затягивала его, не позволяя отвести глаза, хотя Венчику это безумно хотелось.

– Ты чего застыл? – подал голос Игорь. – У тебя сейчас такая рожа, будто по ней лопатой заехали.

Паренек не отреагировал. Он попросту не мог сейчас говорить, потому что впереди... да-да, теперь уже точно!.. Там, в ужасающей тьме туннеля, светились два огонька. На короткое время они пропадали и загорались снова – будто глаза, которые смотрят на тебя и моргают. Да это и есть глаза! И они не просто светят издалека, а становятся всё ближе и ближе... Вот различимо уже и лицо – плоское, бледное, с широким носом, заросшее черной щетиной. Лицо человеческое, но какое же до тошноты, до рези в желудке отвратное!.. И что-то еще в том лице было такое... неправильное, неестественное, от чего хотелось зажмуриться, потому что разум

протестовал, несогласный с увиденным. Правда, в чем именно состояла эта неправильность, Венчик никак не мог разобраться, да и не хотел он разбираться ни в чем подобном, как и смотреть на подобное в целом.

Старший дозорный тоже заметил чужака и, подняв автомат, направил ствол вглубь туннеля.

– Эй, ты! Стоять! – крикнул Игорь, и голос его заметно дрогнул. – Стоять, я сказал, стрельну ведь сейчас!

– Стрельни, коль успеешь, – утробно и глухо прозвучало в ответ.

«Сейчас прыгнет!» – сверкнуло в голове у парня, и эта вспышка будто озарила собой затуманенный ужасом мозг; Венчик понял, что было неправильным в страшном лице: оно находилось слишком низко, почти возле самой земли, словно принадлежало трехлетнему, не старше, ребенку.

– Ы-ы-ыы!.. – вырвалось из горла юноши. В штанах сделалось горячо и липко. Пальцы разжались, упал и, звякнув разбитым стеклом, потух фонарь.

По ушам хлестнуло отчаянным звоном автоматной очереди. Мигающие вспышки выстрелов выбивали из смрадной темноты картинки: мощные лапы с когтистыми пальцами, вытянувшееся в прыжке бугристое гибкое тело... И горящие огнем преисподней глаза. С каждой вспышкой всё ближе, и ближе, и ближе...

Глава 1

Опасная находка

Грязная, с обломанными ногтями на грубых заскорузлых пальцах ладонь отвела в сторону ветви куста. В образовавшейся прорехе сверкнула пара глаз. Взгляд был настороженный, бегающий, с отблесками ожидаемого страха.

– Чо там?.. – послышался из кустов тревожный шепот.

– Ничо, – тоже шепотом буркнул тот, кто смотрел на догорающий остов «галеры» карателей. – Капец храмовникам. Трупье одно в реке плавает.

– А наши?

– Выйди да погляди. «Наши»! Коли они тебе «наши», пошто пособить не шел?

– Ну и выйду... А не пошел с имя – сам теперича видишь пошто.

Из кустов медленно выбрался заросший, бородатый мужчина с плешивой, покрытой язвами и коростами головой – явный мутант. Следом появился такой же – только выше на голову и заметно шире в плечах. На обоих были надеты серые домотканые штаны и грубые рубахи, больше похожие на холщовые мешки, в которых прорезали отверстия под голову и руки. Обувь у того и у другого отсутствовала, поэтому сразу бросалось в глаза, что у «здоровяка» одна ступня яв-

но меньше другой, да и вся нога – короче и тоньше, отчего при ходьбе мужчина кособоко переваливался. Второй имел нормальные, вполне «парные» ноги, зато у него отличались руки. Это было не слишком заметно, но приглядевшись, становилось видно: правая рука смуглее и мускулистее левой.

Разнорукий, что спрашивал про «наших», затравленно огляделся. Трупы не только плавали в реке, хватало их и на берегу. И храмовников в черных накидках с капюшонами, и «диких» мутантов, в большинстве своем одетых так же, что и двое наблюдателей.

– Смотреть-то будем? – неуверенно глянул на хромого здоровяка разнорукий.

– Трупы ворошить? Мародерничать? – зыркнул на него исподлобья коротконогий.

– Пошто так-то сразу? – начал оправдываться тот. – Ты, Игнатий, токо и знаешь, што напраслину разводить да охаивать попусту. Я говорю: смотреть, кто жив, может...

– А коли и жив кто, ты чо – дохтур?

– Дык ведь это... к Ляксевне снести, али... сам знаешь, к кому направить... Велено ж было.

– Храмовников, что ль, направлять? – продолжал недовольно бубнить здоровяк. – А «наших», как ты говоришь, так они потом с тебя и спросят, где ты прятался, покуда они с карателями бились.

– Бились, да все притомились... Вот и куды полезли, а? На автоматы голой жопой. Тьфу! Ладно бы собрали ватагу

вдесятеро карателей боле, – тогда, мож, толпой-то и задавили бы, и сами живы остались. Хоть кто-то.

– И чо? – определенно начал злиться Игнатий. – Ведь говорено ужо переговорено: нехрен на карателях зло вымещать! Вот сожгли эту «галеру» – ай, молодцы! Поубивали злыдней-извергов, себя не пожалев, – ай, герои какие!.. А они об том подумали, репами своими дырявыми покумекали, што за этих карателей храмовники все их деревни пожгут, вместе со стариками и бабами, никого не жалеючи? И кто на поверку злодей, кто изверг? А герои твои и есть злыдни главные. Потому как дурни героями не делаются. – Здоровяк вдруг остыл столь же стремительно, как и завелся. – Ладно, Мироха. Идем, брательничек шитый.

– Куды это? – смешно насупил куцые белесые брови разнорукий Мирон.

– Сам же сказал: живых смотреть.

– Так ты же...

– А чо «я же»? Вот ты тож – скажешь чо, буде как и дельное, а на своем не стоишь. На тебя сел и поехал: Мироха, левой забирай; Мироха, шибче наддай; тпру, Мироха, стой, сеном заправься. А ты бы: нет, Игнатий, ты как хошь, а я раненых искать стану, жизни спасти говнюкам безголовым.

– От зачал-то опять, зачал! – замотал головой Мирон.

– А ну, тихо!.. – поднял ладонь Игнатий.

– А вот не стану тихо! – притопнул, и правда словно конь, разнорукий мутант. – Коли ты мне так...

– Сказано: т-ш-шшш!.. – прижал Игнатий к губам приятеля палец. – Стонет кто-то...

– И впрямь, – прислушавшись, выдохнул Мирон. – А ну как храмовник?

– Коли храмовник, так подмогнем упокоиться. Тока чувствует мне, голосок шибко тонок. Баба, чо ль?..

Приятели стали вертеть плешивыми головами, высматривая, откуда идет голос. Вначале они рыскали взглядами возле останков «галеры» и по берегу, пока разнорукий мутант не обернулся к кустам.

– Так вроде как тут где-то стонут. Вона, гли-ка, чо там за бревна к кусту прибились?

Друзья зашли по колена в воду и побрели вдоль кустов туда, где и в самом деле виднелись будто связанные меж собой бревна. Вскоре они увидели небольшой плот с сооруженным на нем из веток шалашом. Снова раздался негромкий стон. Доносился он явно из шалаша.

– Мож, каратель спрятался, заманивает? – прошептал Мирон.

– Говорю, бабский голос... – шепнул в ответ Игнатий.

– Ну, мож у них и бабы в карателях ходят.

– Ага, как раз штоб таких, как мы с тобой, красавцев заманивать. Мы в шалаш, а она – хватъ – и ссильничает. Обесчестит, и замуж никто нас с тобой не возьмет.

– Я женат уже, – обиженно буркнул разнорукий.

– Ладно, тады на себя весь грех возьму, – вздохнул корот-

коногий. – Коли уж братьями стали, выручать надобно.

– Трепло ты, Игнатий, – скривился Мирон. – А там человек помирает.

– Так пошто ты застыл, коль помирает? Лезь давай в шалаш.

– Пошто я?

– Ты мельче. Я всю хибарку разворочу.

– Да и хрен-то бы с ней, – проворчал Мирон, но все же вскарабкался на плот и осторожно заглянул в шалаш.

– Чо там? – вытянул шею Игнатий.

– Не пойму... Мелкое што-то в тряпке. И кровящи – жуть!

– Чо за мелкое? Кошка, может?

– Говорю ж, не пойму ничо...

– Ну так бери и на свет вытаскивай!

– В кровяще же всё!

– Мироха, не зли меня, а то шас по носу вдарю – сам в кровяще будешь.

– Тебе бы тока вдарить... – закричал Мирон и, пяясь, выбрался из шалаша, держа на вытянутых руках маленькое тощее тельце в окровавленной тряпке.

На поверку тряпка оказалась такой же рубахой, что и на мужчинах, а вот под ней...

– Да это ж девчонка! – ошалело заморгал Игнатий, который осторожно снял с найденыша пропитанную кровью одежду, чтобы осмотреть раны.

– Точно... – попятился к кустам Мирон. – Ой! Бежим от-

сель!

– Не понял!.. – сурово зыркнул в сторону приятеля коротконогий здоровяк. И повторил, выделяя каждое слово: – Это. Девчонка. Ребенок.

– Вот именно, вот именно! – замахал разными руками Мирон. – Бежим! Брось ее в реку!

– Подфартило все-таки нашей птичке, – вздохнул Игнатий. – Тем, што Степановы мозги достались. Хорошие мозги, умные. Мне не свезло – ноги у Степана короче моих оказались. Но тебе шибче всех не свезло: Степанова рука в аккурат подошла, а вот мозги менять уже нечем было... Разве што задницу Степана тебе туда запихать – покойник бы не обиделся, понял. – Проговорив всё это умиротворенным, благостным тоном, мужчина вдруг заорал: – А ну иди сюда, урод недоделанный! Раны девчонке промоем, завяжем и – бегом к Ляксевне!

– Ты не понимаешь, што ль?! – зашипел, как закипающий котелок, Мирон. – За убийство ишшо и простить могут, ну разве руки-ноги пообрубают... А за ребенка... Ты же знаешь – по закону за детей «диких» мутантов казнят без суда!.. Этой замухрышке лет десять всего!

– Может, она из храмовников... Увязалась с батькой на «галере»...

– Ага! И в хламиду оделась! И тощая, как шкелетина. И... ты глянь сзади-то у ей, глянь!..

Игнатий осторожно приподнял девочку. Сзади у нее

был... хвост. Небольшой, всего с ладонь, но сомнений не оставалось: девчонка из мутантов. А значит, немедленно должна быть убита она сама и непременно казнены те, кто не обязательно даже произвел ее на свет, но и всего лишь укрывал от проверяющих.

– Пусть она и «дикая», и ребенок, а всё одно человек, – поскреб корявую лысину Игнатий. – Промоем сейчас раны – и бегом к Ляксевне...

– Да нас же... да нас!.. – продолжал махать разными руками Мирон.

– А ну, никшни! – показал увесистый кулак коротконогий. – Чаво нас? Кто теперича нас? Зенки-то раззявь – хоть одного живого карателя видишь?

– Мож, затаился кто...

– А коли затаился, так он нас и без девчонки шлепнет. Мы ж «дикие», а он разбираться не станет, были мы тут али не были, когда всё это... – Игнатий повел рукой. – Так что давай, ополосни ее тряпки да на ленты порви, а я пока раны промою.

Мирон, ворчливо причитая, брезгливо подцепил окровавленный «мешок» и понес к реке. Игнатий поднял девочку и опустил почти невесомое тельце возле воды. Смыв кровь, он увидел четыре узкие – явно от ножа – раны. Убийца определенно хотел попасть в сердце, но подвело его, видимо, то, что рубаха из мешковины оказалась слишком большой для этой худышки и определить на глаз, где именно бьется серд-

це ребенка, у него не получилось. Три раны оказались правее, одна – немного левее. Оба легкие были пробиты, из прорезей при вдохах и выдохах лезли розовые пузыри. И текла, не останавливаясь, кровь.

– Скоро ты там, постируха?! – рыкнул на приятеля Игнатий. – Девка кровью изойдет!

– Вот изошла бы – куды как ладно, – проворчал тот, протягивая порванную на лоскуты мокрую мешковину.

– Щас ты у меня изойдешь! Вот откуда такие говнюки берутся – только о своей заднице думают? Тебя бы вот оставили тогда, безрукого, кровь бы вся из тебя вытекла, и не гундел бы теперя, как баба.

– Я меня спасти не просил!

– Потому как просилку заклинило – зенки закатил, язык набок. А будь ты тогда в уме – вопил бы будьте-нате, ноги Подземному Доктору лизал... Всё, хорош трепаться, поддержи девчонку, я завяжу.

Бабка Ляксевна жила тут же, в Слободке, изба ее стояла с краю, у самого леса. Пробирались к ней озираясь: и впрямь не стоило, чтобы кто-нибудь увидел ребенка. Но Игнатий снял рубаху и завернул в нее девочку, только для носа дырочку оставил, – мало ли, что мужики знахарке несут, может, поросенка закололи в расплату за лечение. Вон, и мешок в крови.

Впрочем, после побоища у реки никого в деревне видно

не было – мужиков поубивали, а бабы со стариками попрятались, а то и в лес убежали. Игнатий опасался, что скрылась и сама Ляксевна.

Однако знахарка оказалась дома. Ей уже было столько лет – по виду, не меньше ста, – что бояться чего-либо она давно перестала. Еще и поэтому решил ей довериться мутант – Ляксевна от ребенка не отвернется, не страшно ей ничего.

Бабка отбросила мешковину, уложила девочку на широкую лавку и, едва увидев раны, замотала головой:

– Не по мне такое. К Матрене ее надо-ть... Да и Матрена, поди, не сробит ничо. Не жилица девонька.

– До Матрены Ивановны нам ее не донести – помрет, – понулся Игнатий.

– Так и так помрет, – перекрестилась знахарка.

– Ты хоть кровь останови, шоб ручьем не лилась! – взмолился мутант. – До заката дожила шоб девчущка!

– А на закате чо – ангел небесный спустится? – заворчала бабка, но полезла все-таки в погреб – видать, за какими-то снадобьями.

– На закате – нет, он опосля спустится, – тихо, чтобы не услышала знахарка, пробормотал Игнатий. – Тока не ангел, а демон тогда уж.

Насупившийся Мирон стоял в сторонке, прислонясь к бревенчатой стене. Весь его вид говорил: «Дурью маешься, братец шитый. И девчонку не спасешь, и беду накличешь».

Ляксевна вернулась с двумя глиняными горшочками. По-

мешала в одном деревянной лопаточкой – резко запахло дегтем. Обмакнула туда метелку из сушеной травы, густо намазала раны черным. Потом знахарка достала четыре шарика мха, смочила их из второго горшочка пряно пахнувшей разнотравьем зеленой жидкостью. Тряпки для перевязки взяла свои, сухие и чистые, но те, что были на девочке, прибрала – разбрасываться, видать, ничем не привыкла; стирает потом и снова использует.

Девочка часто-часто дышала широко открытым ртом – с хрипом и бульканьем. То и дело из горла вместе с выдохом вылетали кровавые брызги. Лицо из мертвенно-бледного сделалось розовым. Игнатию это показалось хорошим признаком, но бабка, перехватив его взгляд, помотала головой:

– Горячка у ёй. Раны не тока на коже, нутро шибко порезано. Не протянет долго. У меня оставляйте, помогу уйти, когда зачнет мучиться.

– Не оставим, – нахмурился мужчина. – Спасибо за мощь.

Он подобрал с пола окровавленную рубаху и сунулся к девочке, но Ляксевна встала перед ним, раскинув руки.

– Не дам! Куды ты с ёй? В твоей землянке она задохнется сразу. Пошто ребенка мучить понапрасну?

– Всё, Ляксевна, ша! – сурово зыркнул на бабку Игнатий. – Ты сробила, чо у тя было прошено, а теперя не мешай. Завтра рыбы наловим, принесем те в благодарность.

По виду Игнатия знахарка поняла, что тот не отступит. И заметила, видимо, что-то еще – во взгляде ли, в интонациях голоса, – что убедило ее: мужчина знает, что делает. Она отошла в сторону и скрестила на груди руки, с осуждением наблюдая, как мутант заворачивает девочку в рубище, как бережно поднимает на руки и, ковыляя, несет к двери.

– Зачнет мучиться – зовите, – бросила она в спины уходящих мужиков.

– У нас топор есть. Вострый, – не оборачиваясь, буркнул Игнатий. – Долго мучиться не станет.

«Землянки» Игнатия и Мирона были сделаны далеко за околицей деревушки, уже в лесу, где специально для этого вырубали небольшую поляну. Вообще-то это были не совсем землянки, на шесть бревен они все-таки поднимались над землей, поэтому выглядели избами-недоросликами. Так уж вышло, что прибыли мужчины в Слободку поздней осенью – вот-вот ударят морозы, и ставить добротные срубы было уже некогда. Потому и решили наполовину заглубиться в землю – так и быстрее, и дерева меньше требуется. Да вроде как и не собирались «братья» оставаться в Слободке надолго – зиму пересидеть, а там... Мирон и вовсе к жене хотел вернуться. Но то ли плохо хотел, то ли расхотелось – холостяцкая жизнь по душе больше пришлась, – только разговоры о возвращении постепенно затихли. С Игнатием они хоть и лаялись, но больше так, от скуки, а вообще жили дружно и особой при-

чины менять место жительства ни тот, ни другой не видели. Мирон, когда начинала скрести душу совесть, говорил себе: вот срублю избу, скотину заведу, тогда и заберу Серафиму. Тем, ждет ли его до сих пор супружница, он голову не забивал: коль не дождалась, еще как бы и не лучше.

Были и другие две причины, по которым Игнатия и Мирона не особо тянуло в родное село. Рванули они два года назад по дурасти в Устюг, посчитав, что Дед Мороз таких удальцов с радостью примет, да еще и Стёпика, юнца девятнадцатилетнего, от той затеи не отговорили... А после того, что из этого вышло, – как назад вернуться? И стыдно, и страшно. Ладно сами они – лишь разнорукими да разноногими стали, а Стёпика и вовсе не уберегли... То есть, парнишка вроде как совсем и не помер, но таким, каким стал, лучше ни сельчанам, ни даже родне не показываться: хоть те и сами мутанты, а такого всё равно не поймут. А когда узнают, чьи у Мирона с Игнатием новые руки-ноги, – хорошо если просто побьют... И какая радость домой топать – чтобы всё равно прогнали, а то и батогами забили?

Ну а второй причиной сам Стёпик и был. Ему тоже землянку вырыли, только большую и уже без всяких бревен сверху. Наоборот, бревенчатые перекрытия землей забросали, по ней – мохом; притоптали, умяли так, чтобы и рядом встать, а не увидеть, что внизу чье-то жилище. Вход сделали так, чтобы откидывался, когда внутрь надо попасть, а закрытый в глаза не бросался – груда сучьев да веток сухих, и

только. Благо лес кругом, такого добра хватает.

Так вот, Стёпику здесь понравилось – жить вполне можно, посторонние нос не суют (хоть он и сам, конечно, стерегся), на Игнатия и Мирона, что не уберегли, обиду не держал (да и не было их вины, разве что не прогнали сразу, как он с ними в Устюг увязался). Опять же, теперь они как бы и братьями немножко стали, если то, что с ними приключилось, можно назвать братанием... В любом случае, было с кем словом перемолвиться, не опасаясь, что собеседники в штаны от страху наделают.

В общем, из-за Стёпика Мирон с Игнатием тоже никуда уходить не хотели: его и одного тут бросать не по-людски, и с собой не взять – тут и говорить не о чем.

Солнце уже скрылось за лесом, в темнеющем небе заморгали, проснувшись, первые звезды. Стёпик вот-вот должен вернуться.

Игнатий, по-прежнему голый по пояс, вынес завернутую в рубаху девочку из землянки. Очень уж ему не терпелось отправить ее поскорей – не потому, что мешалась, а из-за неожиданного для себя самого переживания за ребенка. Может, это было еще потому, что детей он уже больше десяти лет не видел и теперь в душе всколыхнулось что-то доброе и теплое, чего мужчина давным-давно не испытывал, забыл даже, что такое бывает.

– Ну, где он там? – пробурчал Игнатий, глядя в небо, ко-

торое так и не стало окончательно черным. Пора белых ночей уже прошла, но и для настоящих, когда темень так темень, по северным меркам было еще рановато.

– Не туды смотришь, – сказал вдруг Мирон. В голосе разнорукого мутанта слышалась неприкрытая радость – похоже, и он волновался за девочку. А может, не за нее, а за себя – хотел поскорее избавиться от опасной гостьи. – Вон, от реки порхает птичка наша.

Игнатий повернулся в сторону реки. На тусклом небе виделось черное пятнышко – словно дырка в серой тряпке. И она заметно увеличивалась и приближалась, принимая очертания жуткого создания: широко раскинутые крылья, длинный хвост с похожим на рыбий плавник оперением на конце, еще более длинная, как змея, шея с маленькой треугольной головой, на которой поблескивали желтые точки глаз. Даже издали было понятно, что чудище было огромным, даже сравнить не с чем – не водилось ранее на вологодской земле ничего подобного.

– Летит, летит Стёпик, – облегченно выдохнул Игнатий. – Тока я вот што тебе скажу, Мироха: птичкой его не зови, обижается шибко.

– Ну так и ты Стёпиком его не называй – парню уж двадцать один годок сполнился, не малявка.

– Што не малявка – это уж точно, – усмехнулся коротконогий мутант. – Он теперя даже не Степан, а Степанище.

– Не смейся над парнем, то не его вина.

– Да я и не смеюсь. До смеха ли тута... По мне, так не знаю, што краше – совсем не жить, али как он...

Между тем существо, очень похожее на птеродактиля – чего, разумеется, не могли знать «шитые братья», спланировало на вырубку. «Птер» призывно рыкнул, вытянув лебединую шею. У ее основания виднелось нечто вроде упряжи из ремней, на которой висело широкое полотняное основание.

– Пустой сегодня, Степушка? – подошел к нему Мирон.

– Пус-стой, – басовито-свистяще ухнул «птеродактиль». – И меш-шок, и ж-живот. У реки, вон, мяс-са – аж-ж горы. Надо бы мне как-то с-себя побороть, да человечинку начать куш-шать – ж-жалко, с-скока добра пропадает попус-сту. И ведь нутро-то прос-сит, а мне вс-сё одно тош-шно.

– Были мы у реки, – кивнул Мирон. – «Дикие» на карателей напали, «галеру» спалили. Тока опосля те, кто не сгорел, дали нашим жару-то. Так друг дружку и покрошили. Ну, мож кто и побег, конечно, но больше сгнуло.

– Дурни они, твои «наш-ши», – пробасил Стёпик. – Теперя С-святая с-стока карателей приш-шлет, ш-што вс-се деревни вокруг пожжет в отмес-стку.

– Вот и я то говорю, – подошел к «птеру» Игнатий. – Ну да дело-то сделано, што уж...

– «Ш-што уж-ж»? – зашипело чудище. – Убираться нам отсюда надобно. Ладно я улечу, коли ш-што, а вы как?

– Нас в мешке своем унесешь, аккурат поместимся. Тока это опосля перетрем-перемелем. А теперя, Степан, к Под-

земному Доктору дуй. Ты вот пустой, а мы с уловом.

Игнатий откинул край рубахи с лица девочки. Стёпик вытаращил огромные, с блюдца, желтые глазищи. Черные вертикальные зрачки расширились, став почти круглыми.

– Откель тако чудо?.. – утробно ухнул он.

– Вот как раз оттуда, – мотнул головой в сторону реки Игнатий. – Откель тамока взялась, того не знаем. Тока помирает она – четыре раза ножом ее пырнули. Ляксевна, как могла, кровь затворила, тока всё одно – не жилица, говорит. Так што поспешай, Степан, поспешай. Нагнись-ко, уложу ее... И шей не тряси шибко, девчущка махонькая, выронишь.

– Так ремнем-то прис-стегни ее!

– Какое ремнем – у нее грудь вся истыкана. Не к шее ж ремень пристегивать. И так не выронишь, она, вон, и впрямь как в мешок легла. Лети, Стёпик, лети, родимый. Довези ее живой.

– А и не ж-живой доведу, так Подземный Доктор вс-сё равно порадуетс-ся, – злорадно оскалился обидевшийся, видимо, на «Стёпика» крылатый монстр.

– Пошто? – спросил заинтересовавшийся Мирон. – Куды ему с дохлятиной-то?

– Так девчатиной зато полакомитс-ся, – заухал гигантским филином «птер». – Это я человечинкой брезгую, тока вот «архангельс-скому демону» вс-сё нипочем.

– Вот брехун, – сплюнул Игнатий. – Лети давай, трепло длинношеее!

– Ш-што, не вериш-шь? – замахал, готовясь к взлету, крыльями Стёпик. – А куды, думаеш-шь, твою ногу изувеченную Подземный Доктор дел? А Миронову руку? А мои... ос-стачки?... Ну, понятно, с-свиту с-свою подкормил тож-ж. Но и про с-себя-то уж-ж вс-сяко не забыл.

«Птеродактиль» взмыл над вырубкой, сделал, набирая высоту, круг и направился в сторону Великого Устюга.

Игнатий с Мироном долго смотрели ему вслед, пока крылатый силуэт не превратился в точку, а потом и вовсе не слился с небесной хмурой серостью.

– Он што, про наши с тобой руку да ногу правду сказал? – спросил вдруг Мирон.

– Слушай ты его больше, – буркнул Игнатий, на которого сказанное Стёпиком тоже явно произвело впечатление. – Он и парнем побрехать любил – девки аж повизгивали, – а «птичкой» обернулся, так теперя и вовсе расчирикался... Ты ведь был у Подземного Доктора, когда он тебе Степкину руку пришивал, мы ж там три денечка оклемывались. Ну и видел ты, как «архангельский демон» наши ошметки догрызал?

– Видеть не видел, но я ведь тож не всё время при народе кушаю, – веско аргументировал разнорукий мутант.

Глава 2

Монастырское подземелье

Главный зал подземелий древнего монастыря лет триста назад, а то и раньше, служил, вероятно, монахам основным тайным хранилищем – попросту говоря, складом. Сделанных на «черный день» запасов пищи, судя по его размерам, могло бы хватить для трех десятков человек как минимум на пару месяцев, а с учетом аскетичности монашеских запросов – как бы и не вдвое больше. Для современных же обитателей монастырских подземелий это помещение сразу после Катастрофы служило единым жилищем. Это уже потом, после расчистки остальных коридоров, комнат и келий, по которым все двадцать восемь тогдашних жителей и расселились, зал стал чем-то вроде корабельной кают-компания, а заодно и столовой.

По прошествии двух десятков лет людей, считая Подземного Доктора, осталось только восемь душ. Куда меньше, чем нелюдей, которые тоже были теперь законными жителями подземелий, а некоторые из них, еще в человеческом обличье, жили тут и раньше. Впрочем, делить друг друга по категориям «человек» и «нечеловек» обитателям подземных «хором» и в голову не могло прийти. Деление происходило по другому признаку: Подземный Доктор и все осталь-

ные. «Архангельский демон и его свита» – так их, по рассказам разведчиков, называли за пределами тайных подземелий давным-давно разрушенного, а потому всеми забытого монастыря.

Сейчас в «кают-компании», освещаемой четырьмя – по одной на каждой стене – защищенными проволочными плафонами лампами, на деревянных лавках, окружавших огромный стол, вмещавший за собой некогда всех без малого трех десятков жителей, сидели три человека. Они мирно беседовали с похожим на плешивого волка монстром, имевшим, впрочем, вполне человеческую – пусть и мутантскую, лысую, в нарывах и коростах, – голову. Передние лапы его тоже напоминали человеческие руки, поскольку пальцы на них были длинные и гибкие, хоть и заканчивались, как должно быть у волка, острыми когтями. Однако в отличие от головы такие лапы подарила местным волкам мутация. Трое людей были мужчинами лет пятидесяти – шестидесяти, похожими друг на друга, как родные братья, – худые, с щетинистыми бледными лицами и глубоко запавшими глазами. Отличались они разве что ростом – один был на голову выше других, а из тех один заметно сутулился.

– Недоволен будет Доктор, когда узнает, – покачал головой самый высокий. – Зря ты их, Петро, шуганул.

– Серега дело говорит, – кивнул сутулый. – Не надо было вообще показываться. Услышал, что идут, – и переждал бы.

– Я и ждал, – утробно буркнул человековолк. – Кто думал,

что они сюды попрут? Не бывало на моем веку такого. А тут раз – и фонарь пыхнул! Ну и увидели меня...

– Но на кой хрен ты-то на них попер? – включился в разговор последний собеседник. – Повернул бы – и назад.

– Назад?.. – хрипло выдавил хвостатый Петро. – За собой их сюды привезь? То ж дозорные были! Один, правда, сопляк, мальчишка. Обделался, когда я в их сторону прыгнул. Но второй-то матерый паря, тот бы не отстал, пошел глядеть...

– Да никуда бы он не пошел! – вновь заговорил высокий Серега. – Что, они про ход сюда не знают? Знают, и давно уже. Только лезть не собираются, потому как в непонятках: кто мы такие, сколько нас? А непонятное всегда пугает. Вот и они нас боятся. Но мы их не трогаем, и они не хотят нарушать того, что есть. Худой мир лучше доброй ссоры.

– Ишшо неясно, пошел бы али нет, – не согласился Петро. – А я у них охотку идти отбил. Я ведь их даже не тронул – рыкнул, прыгнул и затаился, будто меня и не было. Фонарь-то сопляк разбил.

– Ты ведь и сам, дурень, мог под пулю попасть, – сказал сутулый. – А тогда у них смелости-то прибавилось бы. Ага, мол, не демоны это, а простые смертные, хоть и уроды. Вот и пошли бы сюда гурьбой.

– А ты попади, попади в меня пулей-то! – обиженно взрыкнул человековолк. – Когда фонарь в руке у пацаненка трясется, когда «калаш» у дозорного прыгает, а сам я не

стоймя застыл, а лечу уже им когтями в морды.

– Все равно мог попасть, хоть и случайно.

– Дык не попал же! – оскалился Петро и проскулил вдруг:
– Слышь, мужики, не говорите Доктору, а? Што вам с того?..
А меня и впрямь ить взгреет...

Мужчины переглянулись.

– Не скажем? – спросил у собеседников Серега.

Те, что были ниже ростом, опустив глаза молчали.

– Лёха, что думаешь? – напрямую обратился к сутулому
высокий.

– Можно и не говорить, – неуверенно произнес тот.

– Не спросит, так не скажем, – подхватился и третий, а
потом с укоризной посмотрел на человековолка. – Только
я бы на твоём месте сам пошел и покаялся. У Подземного
Доктора везде глаза и уши. Прознает, что ты это скрыл, – на
запчасти разберет. А так отпинает лишь или ухо отрежет –
делов-то.

– Да не пугай ты его, Жека, – заворчал Серега. – Кого это
Доктор хоть раз пнул?

– Ты еще скажи, что он ничего никому не отрезал, – опас-
ливо оглянувшись, прошептал тот, кого называли Жекой.

Петро уныло опустил голову.

– Мужики, – серьезным тоном заговорил сутулый Лёха, –
не дело мы про Доктора долдоним. О нем попусту трепаться
не надо. Сами же знаете: он всех нас от смерти не раз спасал.
Если кому что и отрезал, так то по делу, а не для наказания.

А без него мы бы уже давно загнулись – не от болезней, не от радиации, так от тех же храмовников – им бы тогда бояться нас незачем было. Да и вообще, кто здесь нормальную жизнь наладил? Ну да, все мы, но кто это всё организовал, кто придумал? Поначалу-то, помните, мы тут как крысы сидели – в темноте, в развалинах, больные, раненые, – от страха да от голода тряслись. А Подземный Доктор пришел – сразу за дело взялся. Мало того, что всех вылечил, так ведь только с ним мы завалы разгребли; колодцы, что когда-то монахи вырыли, нашли и очистили; огороды под землей вскопали; свиней – и тех разводить стали. А электричество? Да, это Жеке, вон, да Тимохе-покойничку спасибо – у них по этому делу головы и руки заточены. Но идею-то кто подал на Сухо-не турбинки поставить? Доктор. Да что я вам рассказываю, сами всё знаете. А то, что он своими непонятными делами занимается – уродов всяких-разных лепит, – так то нас не касается. К тому же, от уродов этих тоже польза.

– Сам ты ур-р-ррод, клюка горбатая! – свирепо зарычал Петро, подняв на голом грязно-розовом загривке редкие клочья шерсти. – А охраняет вас кто? Кто на разведку бегаёт? Кто ночью по Устьюгу рыщет – смотрит, где што плохо лежит? То-то бы ты на брюхе по грязюке поползал, кады в двух шагах патрули с автоматами бродят.

– Я тоже грязи не боюсь, – заметно смутился Лёха. Сожалел, видать, что не подумав про уродов ляпнул. – На рыбалку больше всех хаживал. Это сейчас не всякий раз могу – спина

донимает. А на рыбалке тоже и прятаться случается, и глину брюхом помесить...

– Чего ж Доктору спину свою не дашь вылечить? – буркнул, подостыв, Петро.

– Так он говорит – резать надо. А я себя резать не дам. Лучше помучаюсь. Ничего, привык уже.

– Ничо, меня вон как порезали, – оскалился человековолк, – тока башка моя от меня и осталася... А так бы давно уж помер. Ты погодь, вот помирать сподобишься – по-другому запоешь: «Режь меня, Доктор, хоть на кусочки, тока б пожить ишшо маненько!»

– Типун тебе на язык! – сплюнул Лёха.

И тут замигал и погас свет.

– Факелы, быстро! – крикнул Серега.

Объяснять, что да как, никому не пришлось – все и так знали, где в каждом из помещений хранились заготовленные как раз для таких случаев факелы. Вскоре в специальных креплениях на стенах, рядом с погасшими лампами, уже чадили смолистые сосновые дубинки.

В столовую повылазили и другие обитатели подземелий: три женщины неопределенного – от сорока до шестидесяти лет – возраста, опирающийся на клюку седобородый старик, а также подобные человековолку монстры – правда, в основном со звериными, положенными от природы головами. Человеческой, кроме Петро, мог похвастаться лишь старый, грузный, совершенно облезлый медведь. Без шерсти,

при неярком свете факелов, его и вовсе можно было принять за старого, толстого мужика, если бы не по-человечески вывернутые «ноги» и «руки», да не длинные черные когти на них. Вместе с ним «медведей» было всего трое – основную массу «демонов» составляли волки-мутанты. Получившие теперь вдобавок и дополнительную «мутацию» – человеческие мозги.

В зале сразу сделалось тесно. При этом почти не было шума – местные обитатели привыкли к строгой дисциплине. Собрались же они здесь понятно почему: хотели узнать причину аварии. В основном опасались за огороды – растениям свет был необходим. Но спросить об этом никто не успел: вдалеке раздался грохот захлопнутой двери, послышался шум стремительных шагов, и в проеме одного из коридоров показался мужчина, освещающий себе путь масляным фонарем.

Гибкий и стройный, издали он казался молодым. Но когда ворвался под свет факелов в «кают-компанию», стало видно, что ему, как и большинству здешних людей, не меньше пятидесяти, а скорее даже, лет пятьдесят пять – пятьдесят шесть. На узком, хищном лице черными тенями выделялись носогубные складки. Над прямым тонким носом тянулись ко лбу две отчетливые вертикальные морщины – вероятно, это лицо чаще хмурилось, чем озарялось улыбкой. Подтверждением тому служили и плотно сжатые тонкие бескровные губы. Цвет глубоко посаженных глаз разобрать было нельзя –

отражая пламя факелов, они, казалось, светились сами. Одет был мужчина более чем странно – в красно-зеленый клоунский комбинезон. Причем надетый задом наперед, что делало бы этот неуместный наряд смешным и нелепым, если бы не покрывавшие его жуткие пятна – как давние, бурые, застиранные, так и свежие – блестящие, алые. Окончательно убедиться в том, что «клоун» испачкался не краской, выписывая на холсте закатный пейзаж, заставляла болтающаяся на шее медицинская маска и зеленая хирургическая шапочка на голове, тоже заляпанная каплями старой и свежей крови. Да и то, что перед ним не кто иной, как загадочный Подземный Доктор, после этого тоже бы стало ясно любому. А собравшиеся в зале, наверное, почувствовали бы его присутствие даже в полной темноте.

Подземный Доктор, резко сорвав маску и шапку, отшвырнул их в сторону. К ним сразу бросилась одна из женщин, подняла и быстро скрылась в одном из коридоров. Длинные, почти до плеч, темные волосы Доктора, казавшиеся при свете огня совсем черными, блеснули редкими прядями седины.

– Что это значит? – негромко, но так, что услышали все, спросил он. – Где свет?

– Так это... – выскочил вперед электрик Жека, – сейчас проверю пойду. Крысы, небось, кабель перегрызли...

– А почему ты до сих пор здесь? И почему аварийный аккумулятор операционной выдержал только три минуты?

– Так ведьдохлый он, а заменить нечем, – замахал руками, словно курица крыльями, электрик, не зная, что ему делать: оправдываться насчет аккумулятора или мчаться искать обрыв линии.

– Значит, надо найти! – обвел Доктор собравшихся огненным взглядом. – Те, кому я разрешил выходить на поверхность, должны не только звездами любоваться, а искать то, что необходимо здесь в первую очередь. И сообщать им об этом должен тот, кто отвечает за свой участок и видит, что в чем-то возникла необходимость. За двадцать лет это можно было усвоить.

Говорил Подземный Доктор жестко, но по-прежнему негромко и сухо, будто бы с неохотой выплевывая слова.

– Аккумуляторы на судоремонтном заводе, – подал голос один из монстров-волков. – Мор-розовцы готовят. Для хр-рамовников.

– Почему об этом не знает электрик? – просверлил Доктор взглядом Жеку.

– Я знаю... – вытер тот ладонью выступившую на лбу испарину. – Там в них электролит с пластинами меняют, заряжают... Только ведь... Как я туда?.. Там ведь...

– Что за лепет? – шагнул к нему Подземный Доктор. Электрик невольно стал пятиться, но всё же заставил себя остановиться. – Если ты был в курсе, что аварийный аккумулятор неисправен, и при этом знал, где можно достать новый, то должен был предпринять всё, чтобы он был здесь. Я не

заставляю тебя лично идти на судоремонтный завод – понятно, что тебя схватят и прикончат. Но для подобных операций у нас имеются специальные лю... особи. Двум волкам пробраться на завод ночью не составит большого труда. Взять с собой мешковину, положить на нее аккумулятор и принести в зубах. Даже один может при желании справиться, если поднатужится.

– Я ведь не могу им приказать...

– Приказывать и не надо, нужно просто сказать. Ты ведь просишь это не для себя лично. Ну а если вдруг кто-то откажется выполнять подобные поручения специалистов, – обвел Доктор недобрый взглядом присутствующих, – немедленно сообщайте об этом мне. И мы все вместе решим, стоит ли дальше кормить дармоедов. В общем, сегодня же ночью аккумулятор должен быть доставлен. – Доктор снова повернулся к электрику, и его тонкие надломленные брови удивленно приподнялись: – А ты почему до сих пор здесь? Обрыв должен быть найден и устранен в кратчайшие сроки!

Жека метнулся в сторону ведущего к Сухоне туннелю, по которому был проложен силовой кабель. Подземный же Доктор продолжал вещать собравшимся:

– Знайте все: электричество для нас сейчас самое важное. Пусть здесь или в жилых кельях можно обойтись лучинами или факелами, но огородам факелов мало. И, самое главное, электричество необходимо мне в лаборатории и операционной. Не только из-за света. Кто не в курсе – приборы факел-

лом не включить. Причем это важно для вас же самих. Если, как сегодня, электричество пропадет во время сложной операции – летальный исход для пациента неизбежен. Впрочем, если вам не жалко себя, черт с вами. Только я вот что скажу... – Голос Подземного Доктора перешел почти на шепот, от которого зашевелились волосы у всех, кто их имел. – Скоро предстоит самая главная операция в моей жизни. Та, к которой я готовился все эти долгие годы... И если вдруг... мне не важно по какой причине... если вдруг она сорвется – каждый из вас напоследок поймет, что «демоном» меня называют не зря. Поэтому, – вновь заговорил он нормальным голосом, – в ваших же интересах пойти сейчас и помочь Евгению в поисках обрыва кабеля. А потом – хоть закапывайте его на два метра под туннелем, хотьставляйте круглосуточную охрану через каждые десять метров, но чтобы такого больше не повторилось. – «Архангельский демон» повернулся, чтобы уйти, и бросил напоследок через плечо: – Уберите из операционной тела пациента и донора. – И Подземный Доктор зашагал к весьма узкому, ведущему из «кают-компании» проходу. Кроме него самого и еще одной «особи» заходить туда не было дозволено никому.

Он шел по темному, тесному туннелю согнувшись. Высота потолка здесь была около двух метров, и Доктор, рост которого не намного превышал метр семьдесят, и так не задел бы его, но в прыгающем свете масляного фонаря туннель ка-

зался ниже, и шею хотелось пригнуть инстинктивно.

Туннель состоял из трех десятиметровых отрезков – после первого, под прямым углом, следовал поворот налево, после второго – направо – и заканчивался тупиком. В самом конце, на левой стене, имелась обитая широкими железными полосами деревянная дверь с большим навесным замком.

Подземный Доктор, поставив фонарь на земляной пол, достал из-под ворота комбинезона связку ключей и снял с шеи толстую цепочку с кольцом, на котором они висели. Одним ключом он открыл навесной замок, другой вставил в замочную скважину, которая оказалась под ним, и трижды провернул. Дверь отворилась беззвучно. За ней был небольшой, метра в полтора длиной тамбур, который заканчивался решеткой из толстых металлических прутьев. Сейчас эта решетка, а точнее, образованная ею калитка, была приоткрыта. За ней черной кляксой расплылась темнота.

– Тамара! – рыкнул Доктор.

За решеткой, невысоко от пола, блеснули янтарем глаза.

– Ты что там делаешь? Быстро сюда!

За решеткой калитки в свете фонаря проявился силуэт волка-мутанта. Этот волк, а точнее, волчица, был не столь облезлым, как Петро, и немного меньше его. Зверь неохотно выбрался в тамбур и, опустив голову, встал рядом с Доктором.

– Мы договаривались, Тамара! – злобно проговорил тот. – Перед операцией ты давала мне слово, клялась, что близко

подходить к нему в мое отсутствие не будешь. И один раз ты уже нарушила клятву. Я простил тебя тогда, полагая, что этого больше не повторится. Но тебе, оказывается, совсем нельзя верить. Возможно, ты делала это уже не раз и не два?.. Видимо, мне придется навесить замок и сюда, хоть это и будет небезопасно для донора. Впрочем, нет. Я просто назначу сюда другую сиделку. А тебя... Тебя выброшу из подземелий. Здесь не место тем, кому я не могу доверять.

Волчица жалобно заскулила, легла на земляной пол и принялась вылизывать ботинки «архангельского демона». Тот, безразлично дернув ногой, отпихнул голову монстра и процедил:

– Последний раз, Тамара. Это был последний раз, запомни! По-настоящему последний. И то лишь потому, что я понимаю твои чувства. Догадываюсь, что случилось... Стало темно, он испугался, заплакал, и ты поспешила его утешить, так?

Волчица, продолжая поскуливать, часто-часто закивала. В желтых глазах, еще ярче засиявших от слез, вспыхнул огонек надежды.

– Так вот, Тамара, – продолжил Доктор. – Никаких чувств! Ты слышишь? Никаких чувств рядом с ним не должно быть! Он всего лишь донор, и ты это знаешь! Он не должен стать человеком! Тупая тварь, когда до тебя это дойдет?! – последние слова «демон» выкрикнул, пинком отшвырнув волчицу к стене.

Затем он, подняв повыше фонарь, полностью отворил калитку и шагнул в тесную, ненамного больше тамбура, облицованную кирпичом келью. В ней не было ничего, кроме отхожего отверстия в углу, торчащего из стены рожка душа и узкой лежанки вдоль одной из стен.

На лежанке сидел, испуганно вжавшись в стену, худой бледный юноша, почти мальчик. Он был одет в просторную рубаху из мешковины. Длинные черные волосы спадали на покатые плечи. Глаза юноши на тонком, вытянутом лице казались огромными, сияющими в свете фонаря плоскими. Такими большими их, вероятно, сделал еще и застывший на лице узника испуг.

Подземный Доктор окинул юношу странным взглядом, в котором одновременно читались и смятение, и надежда, и боль, и воров не столь очевидных для понимания чувств.

– Ладно, – буркнул под нос «архангельский демон», развернулся и вышел из кельи.

Глава 3

Воспоминания

Когда-то его звали Геннадием. «Подволоцкий Геннадий Александрович», – мужчина в надетом задом наперед клоунском костюме пошевелил губами, произнося это имя, но оно показалось ему бессмысленным набором звуков, пустых и пресных, словно жеваная бумага. Уже более двадцати лет он был Подземным Доктором – это прозвище стало и его именем, и сутью.

Закрывшись в комнате, куда он зашел прямо из лаборатории, мужчина снял свой нелепый наряд и облачился в темно-серый костюм, изрядно заношенный и мятый. Именно в нем он вернулся когда-то из Архангельска в Устюг, в нем же был, и когда случилась Катастрофа.

Второе прозвище, «архангельский демон», прилепилось к нему непонятно как. Никто, кроме жены и бывших больничных коллег, не знал, что Геннадий Подволоцкий почти два года работал в закрытом архангельском НИИ. Но с женой давно порвано, да и вряд ли она знает о его нынешнем существовании. Скорее всего, и вовсе выбросила мужа из головы, постаралась забыть навсегда. В любом случае, распространять о нем слухи она бы не стала. С коллегами же он после возвращения из Архангельска ни разу не встречался.

Если и знал кто из них о его приезде, то всё равно никак бы не смог связать какого-то там Подволоцкого с героем местных легенд. Или все-таки смог?.. Как бы то ни было, за пределами подземелий его называли именно так, произнося это прозвище с оглядкой и шепотом, ведь определение «демон» для большинства вовсе не являлось аллегорией.

Воспоминания штормовой волной захлестнули Подземного Доктора.

* * *

Тогда, за два с небольшим года до Катастрофы, он искренне полагал, что ему невероятно повезло. Заниматься трансплантологией, его излюбленной темой, в унылой больничке маленького провинциального городка было откровенной утопией. Когда он взялся пришивать оторванный взрывом петарды палец местному подростку, коллеги посмотрели на него, как на идиота, – никто здесь подобного не делал. Поднимать же вопрос о чем-то более серьезном: пересадке почек, печени или, упаси бог, сердца, ему даже не приходило в голову. В больнице не было ни специалистов, ни нужного оборудования, ни, самое главное, желания руководства связываться с этой сложной как технически, так и юридически темой. Просить под нее денег больничное начальство, привыкшее жить и лечить по канонам прошлого века, тоже ни за что бы не стало. Да и не дали бы этих денег, хоть обпросись, –

это Геннадий Александрович и сам тогда понимал. У высших чинов на подобные вопросы имелся один ответ: «Кому надо что-то пришить – пусть едут в Вологду, да и Москва недалеко. Ну а мы – если только чего лишнее отрезать».

И вот – сказочное предложение! Руководитель создаваемой при архангельском НИИ медицинской группы заинтересовался опубликованной доктором Подволоцким в научно-медицинском журнале статьей и позвал молодого ученого к себе. Чем именно ему придется заниматься, Геннадий Александрович из письма будущего начальника не понял и поначалу даже удивился: по слухам, НИИ специализировалось на секретных разработках для атомных субмарин. При чем тут медицина вообще и трансплантология – в частности? Ладно еще медицина – все-таки на подводных лодках служат люди, а не роботы, но вот что им может понадобиться пересаживать? Жабры, что ли, вшивать?

Все оказалось куда проще и в то же время невообразимо грандиознее. Московские ученые, занимающиеся нанотехнологиями, разработали вещество, способное восстанавливать повреждения однородных поверхностей. Где оно могло использоваться еще, сотрудники архангельского НИИ по известным причинам не знали и узнать не могли, но к ним в институт москвичи прислали опытный образец изобретения, с тем чтобы испытать его на обшивке легкого корпуса¹

---

¹ Легкий корпус подводной лодки – внешняя проницаемая оболочка, охватывающая прочный корпус подводной лодки (его часть) и придающая ей обтекае-

подводных лодок.

Испытания прошли успешно, повреждения обшивки с нанесенным на нее веществом «зарастали», как обычные царапины на коже, только во много раз быстрее. Видимо, эта аналогия пришла в голову и директору НИИ, контр-адмиралу Евстигнееву. Алексей Петрович предложил полковнику медицинской службы Шуганову, своему давнему другу, с которым они когда-то вволю хлебнули и лиха, и славы, создать при своем НИИ опытную группу, которая попыталась бы использовать московское изобретение в медицинских целях. Разумеется, пока только в военно-медицинских.

Александр Иванович Шуганов подобрал трех специалистов, одним из которых и был будущий Подземный Доктор. Перед тем как его ввели в курс дела, Геннадий Александрович знал о нанотехнологиях лишь то, что удалось мельком когда-то прочесть в сомнительной научности газетных статей да вполглаза просмотреть в аналогичных по достоверности телепередачах. Из всех полученных «знаний» в память сильнее всего впечаталась гипотеза о «серой слизи»²,

---

мую форму. Легкий корпус не защищает лодку от давления воды. В пространстве между легким корпусом и прочным корпусом размещены цистерны главного балласта, некоторые системы и устройства. (*EdwART. Толковый Военно-морской Словарь, 2010. – Здесь и далее – прим. автора.*)

² Серая слизь (англ. *grey goo*) – «... впервые обнаруженная и наиболее известная опасность молекулярной нанотехнологии – это опасность, что самореплицирующиеся нанороботы, способные автономно функционировать в естественной среде, могут быстро превратить естественную среду (то есть биомассу) в собственные копии (то есть наномассу) по всей планете. Этот сценарий обычно называет-

способной уничтожить Землю. Вероятно, в той или иной степени такая угроза действительно существовала, но московские ученые нашли решение этой проблемы. Нановещество поступило в архангельский НИИ в специальной герметичной таре, содержащей некую жидкость, в которую и была помещена инновационная субстанция. При извлечении из спецраствора вещество и впрямь начинало быстро самовоспроизводиться, но стоило ему вновь оказаться в жидкости, рост немедленно прекращался. Разумеется, состав «тормозной» жидкости был жестко засекречен, и, разумеется, архангельским ученым не составило никакого труда его определить. Поначалу они даже растерялись: под грифом «Совершенно секретно» скрывалась простейшая водно-угольная взвесь! Правда, следовало соблюдать строгие пропорции содержания угля в воде: чуть меньше – и нанороботы продолжали самовоспроизводиться, чуть больше – они безвозвратно выходили из строя. Нанороботов уничтожала также и морская вода, но не мгновенно, что позволяло веществу справиться с основной задачей – восстановлению легкого корпуса субмарины.

Однако полковнику Шуганову и его подопечным до подлодок и моря дела не было. С помощью высокотехнологичного вещества, прозванного ими в своем узком кругу

ся «проблемой серой слизи», но, пожалуй, более правильно мог бы быть назван «глобальной экофагией». (Роберт Фрейтас. Проблема Серой Слизви (*The Gray Goo Problem* by Robert A. Freitas Jr.) – перевод: А.В. Турчин.)

за маслянисто-плотную консистенцию наногелем, они пытались заживлять раны – сначала лабораторным крысам, а потом, тайно, в обход инструкциям, и самим себе. Все было хорошо, царапины затягивались почти моментально, порезы исчезали, кости срастались. Но для каждого вида ткани – соединительной, мышечной, костной – требовалось перепрограммировать нанороботов или же иметь несколько ампул с «узкоспециальным» гелем, что не всегда, особенно при сложных, сочетанных ранах, было удобным. Не срабатывал нангель и при попытках приживить какой-нибудь орган от одной крысы к другой – за редким исключением происходило отторжение тканей.

И тогда Геннадий Александрович поставил себе целью создать такой алгоритм, при котором нанороботы «сумели» бы отличать костную ткань от мышечной, жировую от эпидермиса, нервы от вен, сухожилий и прочего, то есть чтобы гель соединял однотипное с однотипным, а также чтобы останавливал при этом механизм чужеродного отторжения. Будущий Подземный Доктор засел за медицинские справочники и атласы, создавая в компьютере обширную, максимально на тот день возможно полную базу данных существующих в живой природе тканей. В первую очередь, конечно, человеческих, но не только. Ученый лелеял мечту, когда можно будет заменить, больное, скажем, сердце, не дожидаясь, пока уйдет из жизни другой человек, у которого можно забрать ненужный ему более орган. Почему не забрать то же сердце, напри-

мер, у свиньи – ведь оно выполняет те же самые функции!

Доктор Подволоцкий потратил на создание такой базы восемь месяцев, а затем еще полгода для написания алгоритма. Два месяца коллега-программист преобразовывал эту заумь в последовательность команд, доступных программатору. И вот наконец опытная порция универсального наногеля, имеющего синий цвет надежды, была готова. Двум крысам поменяли передние лапы – от одной к другой. Лапы быстро и беспроблемно прижились. Тогда, в порыве эйфории, крысам поменяли головы. Результат превзошел ожидания – животные словно и не заметили подмены, продолжая, как и прежде, есть, пить, драться за самок и совокупляться.

И вот тогда-то, несмотря на общий подъем воодушевления и веру в скорую панацею для всего человечества, Геннадий Александрович почувствовал первый укол беспокойства. Это было нечто на уровне едва уловимой интуиции, но своему внутреннему чутью будущий Подземный Доктор к тому времени уже привык доверять. Он решил взять часть наногеля себе. Поскольку вне «тормозной» жидкости нановещество активно самовоспроизводилось, забрать несколько граммов так, чтобы недостачи не хватились, не представляло никакой сложности. Проблема состояла в другом: как их вынести из лаборатории? Проверка в НИИ была строжайшей. Кроме обозреваемых вооруженной охраной турникетов для индивидуальных пропусков с чипом, каждое помещение, каждая дверь имели свой код допуска. К тому же, что-

бы попасть в медлабораторию полковника Шуганова, нужно было полностью раздеться во «внешней» раздевалке, голышом, имея при себе только карточку пропуска, миновать пункт досмотра (где, помимо ротовой полости, охранники заглядывали и во все иные естественные отверстия), одеться в рабочие комбинезоны в раздевалке «внутренней», и лишь после этого (приложив, разумеется, к сканеру пропуск) можно было попасть в лабораторию. Возвращение с работы влекло за собой те же самые процедуры, только в обратном порядке. Пронести что-либо на рабочее место, равно как и вынести что-то с него, было невозможно. Разве что проглотить ампулу с гелем? Но глотать стекло Геннадий Александрович опасался: разбейся оно внутри – и страшно представить, что сделает с внутренностями гель. К тому же, беспрепятственно размножаясь, вскоре он заполнит всё, включая легкие и сердце, а потом и вовсе разорвет тело. Пластмассе доктор Подволоцкий тоже не доверял: желудочный сок, содержащий соляную кислоту, может разесть и ее. Оставался металл, но его враз обнаружат металлодетекторы на любом из пропускных пунктов.

Казалось бы, выхода, не связанного с риском для жизни или, как минимум, для свободы, не существует, но помог случай. Однажды, препарировав крысу, Геннадий Александрович глубоко порезался. Он направился было к аптечке, но один из коллег подсказал: «Обработай наногелем, через пару минут всё затянет». Доктор Подволоцкий так и сделал.

А пока наносил гель на рану, ему пришла в голову показавшаяся сначала дикой мысль: что, если вырезать на животе небольшой карман?.. На следующий день, сославшись на боли в желудке, Геннадий Александрович заперся в туалете, захватив с собой скальпель и приготовленный заранее крохотный, в полтора сантиметра, пластиковый контейнер с наногелем, и сделал себе небольшую операцию. Полторасантиметровый «карман» он вырезал поперек живота, чуть ниже пупка, – как раз там, где проходила неглубокая жировая складка. Капсула легла в кожистый мешочек идеально. Теперь ее можно было обнаружить, только ощупывая живот вручную. Охранникам, к счастью, заниматься этим в голову не пришло. Так будущий Подземный Доктор заполучил в собственное владение чудодейственный синий наногель.

Сделал он это как нельзя вовремя. Интуиция не подвела Геннадия Александровича – через два дня в лабораторию зашел хмурый как туча полковник Шуганов и сообщил, что их работы, скорее всего, прикроют. «Наезд» совершили создавшие вещество москвичи, и не столько даже они сами, а скорее «курирующие» подобные исследования соответствующие органы. Ни тем, ни другим не понравилось, что тема получила новое, не согласованное с ними направление. В Москву на «разборки» вызвали директора НИИ контр-адмирала Евстигнеева.

– Вот такие дела, ребяташки, – вздохнув, подвел итог сказанному Шуганов. – Не сегодня завтра и сюда явятся с про-

верками и прочей мутотней. Нас разгонят точно, тут и к бабке не ходи. Евстигнееву тоже мало не покажется, как бы еще не посадили за «самовольство», мать их ети...

– А нас?.. – спросил кто-то шепотом.

– Вас-то сажать не за что, вы – наемные работники. Разве что меня помурывают за компанию с Лёшей... Но, с другой стороны... От этих деятелей всего можно ждать. – Немного подумав, полковник выдал: – Пишите-ка вы, ребяташки, заявления «по собственному». Лёшкин зам мужик правильный, всё понимает, подпишет без выпендрежа. А с Отделом кадров я договорюсь, чтобы за день управились. И разбегайтесь кто куда. Разумеется, если будет нужно, вас отовсюду достанут, но я постараюсь обрисовать картину так, что вы, по сути, исполняли роль лаборантов и никаких особых секретов не знали. Авось, пронесет.

– А как же вы? – озвучил доктор Подволоцкий висевший у всех на языках вопрос.

– Ну, во-первых, я калач тертый, – усмехнулся начальник лаборатории, – меня без хрена не схарчишь. Во-вторых, я уже пожилой – дети-внуки имеются. И посадят, так отсижу. А вы молодые, вам жизни на старте ломать ни к чему. А вообще, я думаю, всё утрясется. Устроят тут для острастки шороху, меня в отставку отправят, а наши наработки заберут в Москву. Там уже от своего имени всё оформят, запатентуют и продолжат работы. Говоря откровенно, мне думается, что весь сыр-бор и разгорелся-то оттого, что их завидки взяли:

открытие мирового уровня – а тут какие-то архангельские мужики-лапотники, поморы, мать их ети!..

– Ломоносов тоже архангельский помор, – тихо сказал кто-то.

– Их бы воля – они б и Ломоносова турнули. Да поздно уже...

Тогда и вернулся будущий Подземный Доктор обратно в Великий Устюг. К жене, с которой за два прошедших года виделся лишь трижды: два раза приезжал на Новый год и однажды – на ее день рождения. Сказать, что супруга сильно обрадовалась возвращению Геннадия, было бы приукрашиванием действительности. Но она его приняла – в надежде, видимо, что со временем всё утрясется, вернутся былые чувства, что семья станет по-настоящему семьей, а не формальным штампом в паспорте. Что характерно, Подволоцкий супругу любил – и до своего отъезда в Архангельск, и живя вдали от нее, и вернувшись. Но эта любовь являлась словно вещь в себе – его чувство было для Геннадия Александровича самодостаточным. То, что любимой нужно оказывать хотя бы элементарные знаки внимания, казалось для него несущественным, а если точнее – он об этом просто не задумывался. Вероятно, потому, что на первом месте для него всегда была и оставалась наука.

По возвращении в Устюг доктор Подволоцкий не вернулся в больницу – после архангельской лаборатории эта мысль

даже не приходила к нему в голову. Условия и уровни были в принципе несовместимы. Геннадий Александрович продолжил опыты самостоятельно, в пустующем гараже – старенькую «девятку» пришлось продать, чтобы купить хотя бы какое-то оборудование.

Однажды, ровно за неделю до Катастрофы, будущий Подземный Доктор, как обычно, вернулся домой из гаража далеко за полночь. К его удивлению, супруга еще не спала. Мало того, в гостиной был накрыт праздничный стол, романтично освещаемый свечами.

– Что это значит? – не стал скрывать удивления Геннадий Александрович.

– Выбирай сам, – сказала одетая в вечернее платье жена, с умело наложенной на красивое, но холодное, казавшееся совершенно равнодушным лицо косметикой. – Это или день рождения нашей новой, *настоящей* семьи, или ее поминки. Одно из двух, Гена, без вариантов.

Потом была самая прекрасная ночь в его жизни. Вино, тихая музыка, свечи, обнаженное тело жены – всё сплелось для него в яркий сумасшедший букет... Нет, скорее, в поминальный венок. Наутро он снова на целый день ушел в гараж, а по возвращении увидел возле входной двери сумку и чемодан со своими пожитками.

Будущий Подземный Доктор поселился там же, в гараже. По сути, для него ничего не изменилось – стало лишь больше

времени для опытов. О еде он практически забыл, покупая раз в два-три дня буханку хлеба да большую бутылку воды. Долго бы он еще так протянул, неизвестно. Кончились бы последние копейки – и что? Пошел бы по помойкам рыться или на поклон к жене? Скорее, первое. Но не пришлось,стряслась она – Катастрофа.

Тряхнуло внушительно, но гараж устоял. Однако, нужно отдать его владельцу должное, в первую очередь Геннадий Александрович подумал о жене. Он выскочил на улицу, где в серой, пахнувшей гарью грязной пелене метались обрывки тряпья, щепки, прочий легкий мусор. Прикрыв лицо ладонями и пригнувшись, борясь с порывами ветра, дующего, казалось, сразу со всех сторон, доктор побрел к своему бывшему дому. Как оказалось, панельная пятиэтажка не устояла – разлом проходил именно по их подъезду. Квартира, в которой он когда-то жил, была погребена под плитами и перегородками вперемешку с остатками мебели и... телами жильцов. Некоторых он даже узнал. Помогать им было уже поздно. Да и не до этого ему сейчас было. Найти жену, откопать, отрыть – вот что было сейчас для него самым главным! Плевать на человеколюбие, к чертям собачьим Клятву Гиппократу, пусть Земля развалится на части – только бы найти жену. Пусть покалеченную, лишь бы живую! С помощью наногеля он вернет ей здоровье и больше никогда-никогда ее не оставит!

Но разгребать руками бетонные блоки мог бы лишь супер-

герой из детских фильмов. Доктор Подволоцкий таким героем не был. Правда, поначалу он ждал, что примчится команда МЧС, или полиция, или военные, или хоть черт с хвостом и рогами!.. Но не примчался никто. Телефон также был бесполезен, и Геннадий Александрович разбил его вдребезги.

Как ни странно, большинство домов остались целыми. Ну, почти целыми, не считая выбитых окон и сорванных крыш. Кое-где чадили пожары, но какие-то робкие, словно выжидающие чьего-то высочайшего дозволения на полноценную огненную вакханалию. По крайней мере, на текущий момент в зоне видимости наиболее серьезно пострадал именно их с супругой дом. Как раз та его часть, где жили Подволоцкие. Геннадий машинально прикинул, что ядерный взрыв (в природе катаклизма он был почему-то твердо уверен) произошел не в самом Устюге; в ином случае от города ничего бы не осталось. Тогда где – в Череповце, Вологде? Вроде бы далековато. В Котласе? Вот это вероятнее всего. Тем более, насколько он знал, там базировалась часть ВВС и, помимо гражданского, имелся военный аэродром. К тому же Котлас был портовым городом, хоть и далеко не первой величины. Но к черту рассуждения! Пусть рухнет всё, лишь бы осталась живой его жена, его любимая! Геннадий Александрович вновь принялся ковыряться в развалинах, в охватившем его безумии хватаясь за неподъемные части стен и перекрытий.

Потом он заметил бегущих куда-то людей. Их было немного, человек пять-шесть, но доктор Подволоцкий, бу-

дучи вне себя от происходящего, почему-то решил, что с их помощью можно будет легко разобрать завал и найти умирающую супругу. Он попытался крикнуть, но из горла вырвался лишь звериный вой. Тогда он бросился в погоню. Догнать людей оказалось несложно – двое мужчин и три женщины были изрядно в возрасте – за пятьдесят точно. Почти все были в крови, в грязи, перепуганными, на грани истерики. Одна женщина постоянно приговаривала: «Стасик, Стасик, Стасик...» Одного взгляда на этих несчастных было достаточно, чтобы понять: помощи от них ждать не стоит. Но Геннадий Александрович встал перед ними, раскинув руки, и сначала нечленораздельно зарычал, а потом выдавил:

– Назад!.. Туда!.. Там моя жена! Всем копать!

– Вы разве не видите, – с трудом восстановив дыхание, заговорил один из мужчин. – Не видите, кто перед вами?.. Кто здесь сможет копать? И у всех кто-то пропал, кого-то завалило, кого-то убило прямо на глазах... Опомнитесь и бегите с нами. Нужно найти хотя бы какое-то убежище, иначе нас всех убьет радиация!

– Нет! – завопил будущий Подземный Доктор. – Вас убьет не радиация! Если вы не пойдете со мной спасать мою жену, вас убью я! Слышите, твари?! Крысы! Точно так ведут себя крысы! Я знаю! Я видел очень много крыс!.. И перестань причитать!!! – брызжа слюной, заорал он на женщину, продолжающую то ли звать, то ли вспоминать какого-то Стасика – внука, сына, мужа, брата ли... Геннадий Александрович,

которого затопила вдруг звериная ярость, занес над головой кулак, но тут же сам провалился во тьму от треснувшего, казалось, напололам черепа.

Очнулся он, когда уже наступила ночь. Голову словно стиснули колючим обручем. Доктор коснулся макушки и, шипя от боли, нащупал липкую вмятину с осколками кости по краю. С такой раной долго ему не прожить, это он прекрасно знал. Удача еще, что вообще пришел в сознание. В «кармане» на животе хранилась ампула с гелем, но Геннадий Александрович опасался, что дрожащими руками может вытряхнуть всё вещество и разлить «тормозящую» жидкость. Поэтому, собрав всю волю в кулак, он сумел подняться на четвереньки и доползти до гаража, где имелись специальные емкости для «выращивания» геля и достаточные запасы «тормозилки». После этого, с полчаса отлежавшись, он обработал рану и заживил ее наногелем. Затем рухнул в тяжелый сон и проспал не менее суток. Проснувшись, сразу ощутил, что давление «обруча» ослабело настолько, что на него можно было не обращать внимания. Покачиваясь, он поднялся на ноги и сжевал зачерствевшую краюху хлеба, запив ее остатками воды.

Нужно было уходить – стены гаража от радиации не спасут. Хотя, какую дозу он уже успел словить? Скорее всего, и рыпаться не стоит, всё равно скоро подохнет. Но сидеть и ждать смерти – пусть она и в самом деле уже на пороге –

доктор Подволоцкий не мог, не в его это было привычках. Эти пресловутые привычки и так за последние годы поменялись у него почти кардинально. Он всё больше и больше любил свое дело, свою работу, и всё меньше и меньше – людей. Кроме жены. Но и тут его любовь была странной, не такой, как ее описывают в книгах и показывают в мелодрамах. А теперь... Теперь, скорее всего, любить оставалось только дело, ради которого – так уж вышло – он разрушил всё остальное в жизни. Можно было еще любить себя – ну, хотя бы слегка пожалеть, – но первым из людей, кого он больше всего ненавидел, был сам Геннадий Александрович, остальным повезло в этом чуточку больше. Иногда он думал, что попросту сошел с ума, но, будучи медиком, знал, что умалишенные никогда себя таковыми не считают. Может, он был исключением и в этом?

Поразмыслив, будущий Подземный Доктор решил, что свершившаяся Катастрофа – это даже хорошо. Перемрут всем скопом эти никчемные, грязные, алчные, похотливые людишки; сдохнет он сам; планета избавится от вируса разума, очистится, расцветет, обновится – что может быть лучше? Разве что мир, в котором жили бы только они с женой?.. Нет, лучше она одна. А поскольку это невозможно – пропади оно всё пропадом!

Но, как уже говорилось, бездействовать доктор Подволоцкий не любил. Да и от инстинкта самосохранения так просто было не отделаться. Слабый и жалкий, как само челове-

ческое естество, его организм хотел жить – во что бы то ни стало и невзирая ни на что. А для этого нужно было найти укрытие от радиации, и такое, если оно вообще существовало, могло находиться только в одном месте – под землей. Не в аду, что было бы логичнее и приемлемее всего на взгляд Геннадия Александровича, а в буквальном, обыденном смысле этого понятия – под толстыми слоями глины и почвы. На метровые свинцовые плиты он, разумеется, не надеялся. Но если встретятся хотя бы такой же толщины железобетонные – будет тоже неплохо.

Несмотря на сгустившуюся ночь, доктор Подволоцкий вышел из гаража и побрел, не сворачивая, прямо...

* * *

Из неожиданных воспоминаний Подземного Доктора вывел стук по переговорной трубе. Еще до того, как в подземельях появилось электричество, он велел провести такие во все наиболее важные помещения. Как выяснилось, подобное средство связи оказалось надежнее микрофонов с динамиками.

Доктор вынул из горловины деревянную затычку.

– Что там?

– Линию восстановили, – раздался полный раболепия голос Евгения. – Электричество работает.

– Сам вижу, – буркнул Доктор, хотя, по правде говоря, в

задумчивости не обратил внимания, что свет уже зажегся. Он посмотрел на часы. Время перевалило за полночь. – Ради этого стоило меня будить?

– Не ради... – замялся электрик. – Тут вот...

Из трубы раздался взволнованный голос Алексея:

– Степан прилетел. Привез девчонку. Ее Мирон с Игнатием подобрали, из Слободки. Говорят, там «дикие» на «галеру» храмовников напали. Всех перебили, корыто сожгли, сами тоже...

– А девчонка тут при чем? Она что, с храмовниками была?

– Не знаю... не ведаю... Махонькая совсем девчужка, годов десять. Степан говорит, что она вся ножом истыкана, кровью исходит, вот-вот преставится.

– Так чего ж ты тогда лясы точишь?! – взревел Подземный Доктор. – Хватай Евгения, если он еще там, а нет – кого попадя, живо за носилками и сюда ее быстро! И несите как перышко, чтоб не шелохнулась!

«Архангельский демон» устало вздохнул, снял и аккуратно повесил в грубый самодельный шкаф свой «цивильный» костюм, а взамен достал и надел задом наперед комбинезон клоуна – скорее даже Петрушки, шута, скомороха – красно-зеленый, с желтыми бутафорскими шарами-пуговицами, оказавшимися при этом на спине.

Глава 4

Создание «русалочки»

Подземный Доктор провел ладонями по гладкому когда-то шелку клоунского костюма и невольно улыбнулся. Еще когда он только обустроивал подземные лабораторию с операционной, он велел своим новым помощникам принести из его гаража всё оборудование, а затем всё, что найдется уцелевшего, из больницы, поликлиник и аптек. Разумеется, вылазки осуществлялись ночью – хоть тогда еще было неизвестно, что творится в городе, но пустынным он никак быть не мог. Доктор понимал, что рискует людьми – лучевую болезнь без пересадки костного мозга и прочих сложных процедур ему было не вылечить, – но и без оборудования с медикаментами, одним только наногелем, работать было бы затруднительно, а зачастую и невозможно.

Одним из поручений для «ходовиков» было найти в больнице хирургическую одежду, включая маски, шапочки, перчатки. Но больница оказалась разграбленной еще до них. Мелочовки в виде перчаток, масок и прочего, хоть и немного, но найти удалось, а вот специальных медицинских костюмов, комбинезонов, хотя бы просто халатов – не нашлось ни одного. И тогда один из подземных жителей догадался принести в одну из таких вылазок клоунский костюм – как раз пе-

ред Катастрофой в Устье выступал цирк-шапито.

Сначала «архангельский демон» рассвирепел, посчитав выходку жителя издевкой. Но тот не растерялся, не струсил и объяснил, что этот костюм, несмотря на аляповатую раскраску, по сути, тоже комбинезон, причем из гладкой, вполне прочной ткани, и если надевать его задом наперед, то во время операций Доктору ничто не будет мешать. Поостыв, Подземный Доктор вынужден был согласиться с этими доводами, а потом и вовсе привык к своему необычному фирменному наряду.

Вынужденные прогулки на поверхности принесли не только материальную пользу, но и неожиданное для Доктора открытие. С радиацией всё оказалось куда интересней, чем он ожидал. Она действовала как-то неправильно, причем выборочно. Лишь несколько человек заболели лучевой болезнью в ее обычной, стандартной форме. Примерно половина оставшихся покрылись уродливыми язвами, струпьями, облысели, но физически чувствовали себя хорошо. Остальная же часть, казалось, не испытала воздействия радиации вовсе. Лишь позже выяснилось, что и для них последствия Катастрофы не прошли бесследно. У кого-то деформировались, потеряли некоторые функции внутренние органы, а несколько человек приобрели необычные способности. Например, одна из женщин стала видеть в темноте, другая без каких-либо страданий и потери трудоспособности до месяца могла обходиться без пищи, а молодой парень Лёшка, которому,

правда, за неделю дугой согнуло спину, стал безошибочно определять, где и какая рыба находится в данный момент в Сухоне. Не во всей реке, разумеется, – в пределах пяти-шести десятков метров, – но и от этого была огромная практическая польза, в связи с чем Лёхе волей-неволей пришлось стать главным рыболовом, о чем он, впрочем, особо и не жалел. На днях он как раз похвалялся, что учуял здорового сома, устроившего «логово» в одном из омутов неподалеку, и грозился вскоре этого зверюгу выудить.

Подземный Доктор долго не мог понять, какой же особенностью наградила радиация его самого? Внешне он ничуть не изменился. Тщательно и неоднократно проведенные анализы и исследования также не показали никаких отклонений от нормы. Разве что он не любил людей – так это «заболевание» началось у него задолго до Катастрофы. Единственное, что стало казаться ему приобретенной особенностью, – это умение безоговорочно убеждать окружающих в своей правоте и власти. Ему не мог перечить никто. Но, с другой стороны, кто по своей воле станет ссориться с тем, кто единственный, в случае чего, может спасти тебя от смерти, а добрую половину уже и спас? Так что вопрос о необычной силе убеждения оставался открытым, но думать о вещах, не приносящих реальной пользы, Подземному Доктору быстро надоело. Тем более, вскоре его мысли захватило то, что сделало всё остальное лишь средством достижения единственной по-настоящему великой мечты. Однако мечты мечтами, но

нужно было решать и насущные проблемы...

Дверь в операционную Подземный Доктор открыл заранее. Вскоре послышался топот шагов, и в дверном проеме появилась сутулая фигура Лёхи.

– Принесли... вот... – оставаясь на пороге, выдохнул он.

– И чего в дверях застряли? – свирепо зыркнул на него Доктор. – Она еще жива?

– Вроде, живая, – прошел вперед Лёха, а за ним, поддерживая сзади носилки, показался и Жека.

– Девчонку – на стол и мигом за Евдокией! – приказал Подземный Доктор. – А потом узнайте все подробности у Степана. Про девчонку, про «галеру», что у них там стряслось и какая обстановка сейчас – в общем, про всё, до мелочей, сами знаете.

Когда мужчины, оставив на операционном столе маленький окровавленный сверток, умчались за исполняющей обычно роль медсестры жительницей, Доктор с непонятным, похожим на страх волнением приблизился к своему рабочему месту.

Казалось бы, чего может бояться он, высококлассный хирург, через руки которого прошел уже не один десяток пациентов – как людей, так и мутантов? Но... сейчас перед ним был ребенок, а делать операции детям ему не приходилось еще никогда. И если людей в принципе Подволоцкий не любил, то конкретно к детям отношение у него имелось неодно-

значное. Разумеется, немалую роль тут играли личные причины, но сейчас разбираться в них было некогда. Следовало побороть наконец это нелепое волнение и развернуть холщовое рубище, в которое была завернута раненая девочка.

Когда Доктор все-таки сделал это, то невольно попятился от стола: перед ним действительно лежал ребенок – с застывшим выражением недетского страдания на казавшемся мертвым кукольном личике, с перевязанным окровавленными тряпками исхудалым до крайности тельцем. И резким контрастом с этим выделялись обрамлявшие голову девочки волосы – густые, длинные, цвета темного золота, которые своей красотой словно молили о помощи, извещая о желании их владелицы жить.

Евдокия подросла быстро – Доктор не успел еще коснуться самодельных бинтов, непонятно кем, но довольно профессионально наложенных на кровавые раны. Давно набравшись необходимого опыта, сорокалетняя женщина сноровисто и умело сняла повязки.

– Кто ж ее так?.. – ахнула медсестра, увидев исколотую ножом грудь ребенка.

– Сейчас неважно, кто! – рыкнул Подземный Доктор, надевая перчатки и маску. – И попридержи эмоции при себе. Начинаем работать.

После того как оба легких девочки были вскрыты, Доктор почувствовал уже не страх, а нечто близкое к панике. Левое

легкое, на которое пришлось наибольшее количество ударов – явно искали сердце, – наполняла черная кровь, и даже без дополнительных обследований было ясно: вылечить его невозможно. Начался некроз тканей, мертвый орган следовало немедленно удалять. Правое выглядело несколько лучше, но без срочной операции, которая могла оставить работоспособной хотя бы его часть, девочке оставалось жить считанные часы. Но как же он будет оперировать орган, который и во время операции нужен пациентке для дыхания? Чем она будет дышать?!

Первым порывом Доктора было срочно вызвать любого человековолка и взять одно легкое у него. Но бросив взгляд на вскрытое детское тельце, он понял, что дыхательный орган даже самого мелкого монстра будет для него слишком большим... Посылать кого-то наверх искать животное поменьше?.. Но где гарантии, что быстро найдут что-то нужное? Да и что именно искать: кошку, крысу, ворону?

Подземный Доктор нервно, хрипло засмеялся. Евдокия, вздрогнув, недоуменно посмотрела на него, а потом перевела увлажненный взгляд на умирающую девочку и, понимая всё, не удержавшись, всхлипнула:

– Рыбонька ты моя златовласая...

– Что? – стремительно обернулся к медсестре Доктор. – Как ты сказала? Рыбонька?.. Ну конечно же!.. Алексей... омут... сом-зверюга... – Глаза «архангельского демона» вспыхнули демоническим блеском. Подтолкнув Евдокию в

спину, он завопил, словно блаженный: – Живо гони рыбака за сомом! Немедленно! Быстро! Если нужно, пусть все ныряют в этот чертов омут и руками ловят рыбину! Но этот сом мне срочно нужен здесь! Живым! Понятно?!

Женщина испуганно попятилась. В ее глазах плясал ужас.

– 3-зачем... сом?... – проямлила она, наверняка уверившись во внезапном сумасшествии Подземного Доктора.

– Затем, что если через полчаса у меня не будет сома, – неожиданно тихо, но так хрипло, что его речь больше напоминала утробное звериное рычание, произнес Доктор, – то я разорву на части тебя и впихну в эту «рыбоньку» твое сраное легкое.

Евдокию сдуло точно ветром, которого в подземельях не могло быть и в помине. «Архангельский демон» рухнул на стоявший у стены табурет и, превратившись в застывшее изваяние, приготовился ждать.

* * *

Таких операций Подземный Доктор не делал еще никогда. Сейчас, вымотанный многочасовой сложнейшей работой, он сидел прямо на полу, прислонившись гудящей от усталости спиной к каменной стене лаборатории. Сидел и смотрел на большую, наполненную водой пластиковую ванну, в которой лежала его невероятная маленькая пациентка. Девочка еще находилась под действием наркоза, поэтому, чтобы она слу-

чайно не вдохнула воды в то, что осталось у нее от единственного теперь, не вполне еще функционировавшего легкого, ее рот и нос были плотно завязаны. А дышала она... жабрами. Самыми настоящими сомиными жабрами, вшитыми ей Доктором в области шеи. Ему еще самому до конца не верилось в это. Но вот же она, перед ним – живая новоявленная русалочка.

«А ведь и правда русалка», – подумалось вдруг Подземному Доктору. Оказалось, что у девчонки есть... хвост!.. Небольшой, правда, с ладонь, и совсем не похожий на рыбий, но все-таки хвост. Да и жить ей большей частью придется теперь в воде – легкое, несмотря на все приложенные усилия, удалось восстановить далеко не полностью. Он надеялся, что дышать бедняжка им все-таки сможет, но не подолгу. Впрочем, когда девочка вырастет, можно будет пересадить ей здоровые донорские легкие. Если, конечно, она вообще доживет до этого момента. Да и если он сам доживет. В тех условиях, в каких оказался окружающий мир, давать этому какие-либо гарантии никто бы не стал. К тому же, если удастся осуществить то, что он задумал, вряд ли он вообще когда-нибудь встретится с этой «русалочкой». Ну а если вдруг не удастся...

«Нет! – стукнул себя «архангельский демон» кулаком по колену. – Нет, нет и еще раз нет! Никаких сомнений! Не смей даже думать о неудаче!..»

Видимо, он начал дремать и вздрогнул, когда его плеча

коснулась ладонь Евдокии:

– Доктор, там Лёшка с Жекой ждут. Часов десять уже...

Спрашивают: Степана отпускать домой или как?..

– Степана?.. – встряхнул головой Подземный Доктор. –

Ах, да...

Он с трудом, придерживаясь руками за стену, поднялся и медленно, сгорбившись, словно старик, направился к ведущей из лаборатории двери. Но, взявшись за ручку, собрался, выпрямился и, распахнув дверь, шагнул за порог с обычным, каменно-хладнокровным выражением лица. А пока шел к «кают-компани» по выложенному кирпичом коридору, вспомнил про ту необычную операцию, после которой девятнадцатилетний парень Степан стал тем, кем он был сейчас, – разумным «птеродактилем». Та операция в чем-то была сродни сегодняшней; пациент и донор относились к разным классам: тогда это были млекопитающее (человек) и пресмыкающееся, сегодня – человек и рыба. В тот раз он вообще не верил, что у него что-то получится, а на операцию решился больше из любопытства, в качестве эксперимента. Еще и проводить ее пришлось в экстремальных условиях: в пещере на берегу реки – в туннель здоровенный «птеродактиль» просто бы не пролез. Когда летающему чудищу была проведена трепанация черепа и Доктор извлек мозг, он поразился, насколько тот был похож на человеческий: такой же по объему, с большим количеством извилин... Скажи ему кто о разумности этого существа – ничуть бы не уди-

вился. Вот только было совершенно непонятно, от какого вида животных произошли эти гигантские «птички»? Неужели на кого-то из тогдашних обитателей животного мира мутация могла подействовать так сильно менее чем за двадцать лет? Впору было поверить, что ядерные взрывы сумели приоткрыть двери в некие параллельные миры, откуда успела проникнуть часть их обитателей. Впрочем, у других животных – тех же волков и медведей – мутация вообще оказалась «взрывной»: уже через три-четыре поколения, то есть года за три, животные изрядно «облысели», приобрели сплюснутые морды, а волки – еще и похожие на руки передние лапы. Свихнувшаяся природа умела преподносить сюрпризы, особенно после того, как ей в этом столь щедро помогли. Но этот вопрос не относился к профессиональной сфере Подземного Доктора; куда интереснее было узнать, приживется ли в совершенно чужом теле человеческий мозг? И если все-таки да, то сумеет ли пациент управлять крыльями и хвостом – органами, для которых в мозге не имелось соответствующих отделов?

В итоге случилось практически невероятное: мозг прижился, и Степан – пусть и не сразу, но довольно быстро – смог сначала начать шевелить новыми конечностями, а затем и вполне уверенно использовать их по назначению.

Произожди такое событие до Катастрофы, ученый мир взорвался бы от удивления и восторга, разразился бы овациями в честь ученого-новатора. Да что там – сошел бы

с ума, осыпав удачливого экспериментатора всеми возможными званиями, регалиями и почестями. Про Нобелевскую премию можно было даже не упоминать – ее бы присудили, не раздумывая. Но сейчас... Сейчас ему было не до того, чтобы разбираться, какие отделы мозга Степана взяли на себя несвойственные им ранее функции и как такое стало возможно в принципе. Да и не имелось у него для подобных исследований нужного оборудования. Как, впрочем, и специальных знаний.

Имелась в тот раз и еще одна, пусть и не столь критичная проблема: как сделать, чтобы «птеродактиль» мог разговаривать? Подобная задача впервые встала перед Подземным Доктором, когда он научился пересаживать человеческий мозг волкам и медведям. Да, бывшие звери после такой операции получали разум, но разговаривать как люди они все равно не могли – слишком уж отличалось строение гортани, языка, челюстей от речевого аппарата человека. Первые зверолоуды старательно сипели, хрипели, выли и гавкали, но уловить в этих звуках смысл было почти невозможно. Задача сделать своих пациентов по-настоящему говорящими показала Доктору не только весьма важной, но и чрезвычайно интересной, и после многочисленных проб и ошибок он все-таки научился операционным путем дорабатывать речевой аппарат подопечных до максимально приближенного к человеческому. Правда, говорили бывшие звери все равно с характерным «акцентом» – рычаще и хрипло, а длинные фра-

зы давались им зачастую с трудом, но они все-таки говорили, и это было для Подземного Доктора настоящей победой, которой он не без основания гордился. Другое дело «птеродактиль», у которого все было устроено совсем по-другому, а время для экспериментов отсутствовало. Пришлось действовать практически по наитию, полагаясь лишь на чутье и удачу. И они не подвели: «птеродактиль» теперь тоже мог разговаривать, причем даже лучше, нежели человековолки и человекомедведи – сложные, длинные фразы и предложения давались ему так же легко, как и нормальному человеку. Правда, речь Степана всё же имела свои особенности: в отличие от рычащих, твердых звуков у человекохищников, «птер» при разговоре немилосердно шипел и свистел. Но это уже были мелочи по сравнению с главным...

Едва Доктор вошел в зал, сидевшие на лавке и явно дремавшие Жека и Лёха тут же вскочили.

– Выкладывайте, – сухо бросил «архангельский демон».

Мужчины, перебивая друг друга, стали рассказывать то, что узнали от «птера». Впрочем, ничего нового Подземный Доктор от них так и не услышал: нападение «диких» мутантов на «галеру» храмовников возле деревни Слободка, пожар, гибель практически всех участников стычки с обеих сторон... Он собирался уже махнуть рукой, чтобы остановить пустопорожнюю болтовню и велеть мужикам отпустить «птеродактиля», как в помещение вдруг стремительно вбе-

жал человековолк.

– Есть вести, – прохрипел он, косо поглядывая на электрика с рыболовом.

– Ждите, – кивнул им Доктор и отошел с волком к дальней скамье.

Монстр принялся что-то активно шептать на ухо «архангельскому демону». Мужчины невольно стали прислушиваться, но ничего разобрать так и не смогли, услышав лишь «Святая», «Дед Мороз», «Вотчина» и «пожар». Подземный Доктор же и вовсе молчал, лишь глаза его стали вдруг словно разгораться изнутри радостным светом.

Наконец он отпустил человековолка и вернулся к Лёхе с Жекой. Теперь, видя его вблизи, они убедились, что непонятный свет им не привиделся, – глаза Доктора и впрямь сияли лихорадочным блеском.

– Передайте Степану: пусть летит, – сказал он будто бы слегка надтреснутым голосом. – Скажите, чтобы за девчонкой вернулся дней через пять. И пусть пока не приносит мне ни зверей, ни пациентов. И всем, кому я велел их искать и ловить, пусть тоже скажет, чтобы больше этого не делали.

– Никогда?.. – испуганно выдал Лёха. – А если с кем из наших что...

– Пока пусть не делают, – отчеканил Подземный Доктор. – Мне скоро будет не до этого. А с нашими... С нашими как-нибудь разберемся. Но будет лучше, если они постараются не попадать в неприятности. Операционная мне может по-

надобиться в любую минуту.

Недоуменно переглядываясь, Алексей с Евгением отправились к «птеру». Доктор же опустился на скамью, но тут же вскочил и принялся вышагивать от стены к стене, не в силах сдержать возбуждение. Да, теперь ему было не до больших и увечных и даже не до изнуряющих, оттачивающих его мастерство и опыт экспериментов. Опыта у него и так уже имелось с избытком. И этого опыта обязательно должно было хватить для главной операции всей его жизни, к которой Подволоцкий так настойчиво шел, которую так бесконечно долго ждал. Что ж, наконец-то, похоже, дождался. Упустить появившийся шанс было нельзя. Он не простит себе никогда, если упустит!

Глава 5

Шпион

Святая уверенно шла подземными коридорами вслед за несшим масляный фонарь сопровождающим. Сиплое дыхание второго охранника слышалось позади. «Легкие у парня ни к черту, – мельком подумала предводительница храмовников. – Надо будет заменить на здорового».

Туннель, ведущий к казематам, освещался скудно – электричество приходилось экономить. Правда, и эти несколько лампочек, отстоящих одна от другой метров на двадцать, включали не столь уж часто; три тюремные камеры – две крохотные одиночки и не многим ббольшая по размерам «коммуналка» – основную часть времени были пустыми. Если патруль и приводил сюда пойманных наверху «диких» мутантов, пробиравшихся порой в Великий Устюг, то держали их в казематах недолго – к чему переводить еду и энергию на бесполезную шваль? Действительно опасных узников, настоящих преступников, небольшая подземная тюрьма почти и не видела, за исключением единичных случаев. И вот, похоже, их краткий перечень сегодня пополнился.

Во всяком случае, посыльный от начальника патрульной службы утверждал, что пойман настоящий шпион. Даже, скорее, не пойман, а разоблачен, поскольку много лет слу-

жил у них же в патруле. И, самое интересное, посыльный утверждал, что работал шпион не на Деда Мороза. «А на кого же еще? – чуть не выпалила вслух Святая. – Не на “диких” же?» Однако предводительница храмовников сумела сдерживать эмоции, оставшись внешне каменно спокойной. Лишь коротко кивнула посыльному – продолжай! Но добавить тому было нечего. Он лишь сказал, что Заумян, начальник патруля, очень просит Святую прийти в казематы, поскольку информация, которой владеет задержанный, имеет необычайную важность.

Ей и самой уже стало необычайно интересно посмотреть на загадочного шпиона, а еще больше – послушать его: узнать, кем тот заслан, что именно выводывал здесь, каким образом передавал сведения. «Но ведь в Устюге кроме меня и Деда никого больше нет! – вновь озадаченно подумала Святая. – Да и не мог бы мутант служить в патруле храмовников, это полнейший бред. Но если не мутант, тогда кто же, кто? Кто-то из Лузы? Но зачем им шпионить за мной? Не собираются же лузяне напасть на Устюг! И как с ними отсюда поддерживать связь – голубиной почтой?..» Вслух, разумеется, ничего этого предводительница храмовников не сказала; велела посыльному возвращаться и передать Заумяну, что скоро будет.

И лишь теперь, шагая по мрачным подземным туннелям, Святая вспомнила о ходящих среди ее дозорных байках о некоем «архангельском демоне», живущем где-то тоже под

землей вместе со своей дьявольской свитой. Она не верила в эти сказки, считая их обычным народным фольклором. Ведь демон – слугитель зла, он призван к тому, чтобы это зло совершать, а не прятаться от всех в какой-то глубокой норе долгие годы. И за те два десятка лет, что она стоит у власти над половиной населения Великого Устюга, никто ни ей, ни ее подданным особого зла не причинял. Кроме мелких пакостей Деда Мороза, но это вполне ожидаемые, обычные, можно даже сказать, семейные разборки. Ничем демоническим в них вовсе не пахло.

Но теперь она невольно подумала об «архангельском демоне» снова. Буквально на днях ей доложили, что дозорные с южной окраины подземелий повстречали в дальних туннелях нечто. Вроде как волка-мутанта, но с человеческой головой. Понятно, что у страха глаза велики и человеческая голова им могла просто померещиться, но, с другой стороны, дыма без огня тоже не бывает. К тому же в докладе звучало утверждение, что один из двух дозорных, участвовавших в инциденте, – человек опытный, весьма трезвомыслящий и отнюдь не паникер. Причем этот случай заставил Святую вспомнить и еще о паре-тройке подобных, хоть и весьма давних происшествиях. И она позволила себе... не поверить, нет, всего лишь предположить: а что, если в неведомых ей подземельях и впрямь обитает некое сообщество? Конечно же не демонов, а обычных людей. Причем этих людей очень мало, потому они от всех так усердно и прячутся.

А волки-мутанты... Возможно, даже скорее всего, это вовсе не волки, а мутировавшие собаки, которых приручили для охраны. Правда, тут же возникали вопросы: чем питаются эти люди, как они вообще выживали все эти годы, почему не примкнули ни к храмовникам, ни к морозовцам?.. И если выявленный шпион действительно послан сюда этими псевдодемонами, то для чего им это могло понадобиться? Только лишь чтобы знать, что их существование всё еще остается тайной? Очень нелогично, учитывая, что этих людей мало и лишние руки для них воистину на вес золота. Или, скорее, картошки, поскольку золотом в нынешнем мире сыт не будешь, да и нож из него получается никудышный, слишком мягкий для охоты или схватки.

Заумян встречал ее в коридоре возле камер с казематами. Высокий и плотный сорокалетний начальник патрульной службы склонил в приветствии лысую голову. Святая заметила на ней капельки пота. И это при том, что в подземелье вовсе не было жарко, скорее наоборот. «Волнуется, паршивец, – усмехнулась про себя предводительница храмовников. – Знать, и в самом деле крупную рыбку поймал. Теперь думает, как бы мне это ловчее преподнести, чтобы выпятить свою причастность на первое место. Ишь, даже встречать меня вышел. Ну-ну, посмотрим на твой улов. А для начала неплохо бы твои надежды слегка пообломать, чтобы особо губу не раскатывал».

Святая не любила Заумяна, хотя никаких веских поводов для этого не имела: ей он был предан, службу нес исправно. И все-таки было в начальнике патруля нечто такое, вроде бы и не бросающееся сразу в глаза, но вызывающее к нему невольную неприязнь. Взять хотя бы теперешнюю встречу. Лучше бы занимался делом, допрашивал пленника, а не выпендривался, изображая галантность. Подобострастный взгляд, натянутая резиновая улыбка – смотреть противно. Говорят, с подчиненными он совсем другой – цедит слова, не разжимая зубов, словно милость оказывает, хотя милости от него патрульные дожидаются редко, куда чаще – тычка под ребра, а то и в челюсть.

Заумян раскрыл уже рот, чтобы поведать так и рвущуюся из него сногшибательную новость, но Святая остановила его взмахом руки.

– Я правильно понимаю, – идя ва-банк, хладнокровно спросила она, – что вы взяли шпиона «архангельского демона»?

Святая осознала, что вероятность промаха была велика, и тогда бы она оказалась в весьма глупом положении. Но рискованный выпад достиг цели: начальник патрульной службы вытарашил глаза, пот ручейком заструился с лысины.

– Откуда вы... Каким образом вам это... – залепетал он, но Святая вновь прервала его взмахом ладони.

– По-твоему, у меня нет головы на плечах? – скривила она губы.

– Да что вы!.. – сцепил руки Заумян. – Да как я мог!.. Но ваша пронизательность...

– Хватит! – уже и в самом деле начиная злиться, выкрикнула Святая. – Веди меня к нему! Впрочем, нет, сначалаознакомь с деталями.

Предводительница храмовников зашагала к двери, скрывающей за собой каморку надзирателей. Один их сопровождающих ее охранников предупредительно распахнул вход. Святая зашла внутрь и села на деревянную лавку перед коротким и узким – на одного едока – столиком. Вошедший следом Заумян остался стоять. Предлагать начальнику патруля сесть она не стала. И первым ее вопросом был вовсе не тот, который он ожидал услышать.

– Каким образом в патруле оказался шпион? Вы что, принимаете всех без разбору?

Начальник патрульной службы замотал головой так, что во все стороны полетели брызги пота. Святая, отдернувшись, брезгливо поморщилась. Заумян начал судорожно вытирать лысину рукавом.

– Нет-нет-нет! – выпалил он при этом. – Ни в коем случае не всех! У нас строжайший отбор. Но Полетаева... этого, которого взяли... принимал не я! Это же давно было, лет пятнадцать назад, я сам тогда в патруле начинал только. А Тимофей... Полетаев который... он совсем зеленый был, лет восемнадцать всего. Его при патрулировании и нашли. Брел по городу – худой, грязный, оборванный. Говорит, си-

дел несколько лет в погребе – дом рухнул, когда он туда за соленьями полез, мать отправила. Крышку придавило, открыть не смог. Хорошо, запасов внизу много было. Вот он и сидел там; сначала помощи ждал, а потом сам стал консервной банкой выход рыть...

– А где он брал воду? – прищурясь, спросила Святая.

– Ну... – Заумян опять затряс головой, но сразу спохватился, замер. – Так он говорил, что сквозь щели лилась, когда дождь шел, он ее в пустые банки собирал.

– А зимой?

– Так это... зимой он... – Начальник патруля сглотнул и развел руками. – Не знаю. Не уточняли.

– А показать тот погреб вы его попросили?

– Так это ж не я тогда был!.. – вновь начал оправдываться Заумян. – Я ведь простой патрульный тогда... что прикажут, куда пошлют...

– Перестань ныть! – прикрикнула Святая. – Я тебя пока ни в чем не обвиняю, а всего лишь спрашиваю: вы сами видели этот рухнувший дом с погребом?

– Не припомню, – выдохнул начальник патруля. – Может, кто туда и ходил, но меня точно не отправляли.

– А почему этого мальчишку вообще взяли в патруль?

– Это я помню. Он просился очень. Он ведь нас первых увидел за несколько лет. Говорит, сначала думал, что все люди погибли, он один на Земле остался. А тут мы. И спасли его. Вот он с патрульными и не захотел расставаться. А еще

сказал, что и он хочет быть таким же, – вдруг и сам кого-то тоже спасет. Вот и взяли. Так-то он, хоть и заморышем был поначалу, шустрым пареньком оказался. И выносливым, не размазней. Да и смекалистым, схватывал всё на лету. Он, Полетаев, и сейчас-то в лучших патрульных числился.

– Ты его хвалишь, будто сватаешь, – скривила в усмешке губы предводительница храмовников. – Как же такой замечательный парень, лучший патрульный, и вдруг через пятнадцать лет оказался шпионом?

– Виноват, не углядел, – вновь обтер рукавом лысину Заумян.

– То, что виноват, это само собой, – уже без улыбки сказала Святая. – Об этом будем говорить отдельно и позже. А сейчас доложи, на чем он попался?

– Патрули ведь у нас парами ходят, – заторопился начальник службы. – И приказ на этот счет строгий: кроме экстренных случаев одного напарника не оставлять ни на минуту. А за Тимохой... за Полетаевым стали замечать, что он нет-нет да и отстанет. Или приспичит ему... ну, по нужде. Так-то и по нужде отлучаться нельзя, всё равно должны быть в пределах видимости друг у друга. А Полетаев вроде как стеснялся на виду. Я уже, так сказать, разъяснительную беседу провел с теми, кто его стеснительности потакал. Надолго запомнят, будут теперь за руки взявшись сра... То есть, это... прошу прощения...

– Хватит! – рявкнула предводительница храмовников. –

О деле рассказывай!

– Так вот, я и говорю... Многие потакали Тимофею, а один, Мартьянов Сергей, заподозрил что-то. Он у нас в патруле недавно, к обязанностям своим относится рьяно. И не только к своим. Короче говоря, Полетаев этой ночью опять будто бы по нужде за развалины завернул. А Мартьянов фонарь погасил и втихую за ним. И услышал, как шепчется за развалинами кто-то. Ну а кто еще, если Тимоха Полетаев там как раз и есть?

– С кем же шептался ваш Полетаев? Может, он, когда по нужде ходит, сам себе сказки рассказывает, чтобы не так страшно одному в темноте-то?

– Мартьянов говорит, что там был кто-то еще. Только... – Начальник патруля замялся.

– Какой еще Толька? Выражайся яснее!

– Нет-нет, имени он не знает! И вообще... Мартьянов доложил, что это, скорее всего, был не человек.

– А кто?! – разозлилась Святая. – Призрак усопшей мамочки?.. Или сам «архангельский демон» в рогах и копытах? Мне кажется, за вашу службу пора мне самой взяться как следует. Развели детский сад! «Мы с Тamarой ходим парой!» Один покакать стесняется, другой от страха потусторонние голоса слышит. Я представляю себе, как этот Полетаев признался в шпионаже: вы его, небось, запытали до полусмерти, вот он вам и насознавался – и про «архангельского демона», и про тень отца Гамлета, и про волка с семерыми козлятами.

– Мы его не пытали! – замахал руками начальник патрульной службы. – Ну, почти... Я расскажу, как он сознался. А насчет волка... – Заумян судорожно сглотнул. – Насчет волка это вы в самую точку. Мартьянов и доложил, будто ему показалось, что с Полетаевым был как раз волк...

– Хватит с меня этого бреда! – вскочила Святая. – Полетаева освободить из-под стражи и выгнать вместе с Мартьяновым из патруля! Ты с этого момента тоже не начальник службы. И уйди с дороги, что ты передо мной топчешься?!

– Но Полетаев шпион! – завопил осмелевший с отчаянья Заумян. – Он сознался не под пытками! Он рассказал, кому он служит! Прошу, поговорите с ним, вы сами всё поймете!..

– Хорошо, – резко вдруг остыла предводительница храмовников. – Но если это окажется туфтой, в каземате будешь сидеть ты.

Святая и в самом деле сомневалась теперь, что «раскрытый шпион» имеет какое-либо отношение к шпионажу. Бредовый донос патрульного на своего напарника (может, он просто зуб на него за что-то имел), допрос бедолаги с применением силы (в гуманность Заумяна верилось слабо) – вот тебе и шпион хоть «архангельского демона», хоть «вологодского ангела», хоть «московского идола». В то же время она ненавидела, когда из нее делали дуру, пусть даже не по умыслу, а от излишнего рвения. И, сказав Заумяну о том, что тот сядет в каземат, она вовсе не шутила. Сядет как миленький!

И будет сидеть, пока не поумнеет. Но для этого всё же были необходимы доказательства его вины; наказывать подчиненных только за то, что они ей не нравятся, в привычки Святой не входило. Она твердо решила допросить задержанного сама. Способности развязать язык любому, каким бы волевым и упрямым тот ни казался, у нее имелись. Многие все-рьез полагали, что она умеет читать мысли. Нет, подобное было за пределами ее возможностей. Но внушить человеку, что с ней можно и нужно делиться всем, даже самым сокровенным, она могла запросто. А потом, если нужно, так же запросто стереть у собеседника воспоминания о его откровенности. Или вообще почистить память, оставив лишь общие знания и приобретенные навыки.

Камера, в которую ее привел Заумян, была простой одиночкой, разделенной на две неравные части толстой железной решеткой. Меньшая примыкала к входной двери. Там отдыхал на деревянной скамье недавний посыльный, вскочивший при виде Святой на ноги. По другую сторону решетки находился второй патрульный, который стоял возле сидевшего на привинченном к полу табурете шпиона. Последний был голым по пояс, со связанными за спиной руками. Его разбитые губы кровоточили, под левым глазом багровел свежий синяк.

– Это так вы его не пытали? – резко повернулась к Заумяну предводительница храмовников.

– Да какие же это пытки! – стал оправдываться начальник

патрульной службы. – Это при задержании, так, для порядка, чтобы не рыпался. Я ведь вам хотел рассказать, как мы его раскололи. Смех один! Он ведь сначала молчал как рыба... А я в людях разбираюсь и понял сразу, что так просто этот не заговорит, хоть каленым железом его прижигай, хоть ногти выдергивай. Нет-нет, вы не подумайте, мы такое не практикуем, это я к слову. Для таких вот упертых есть у меня испытанный способ, который до этого ни разу еще осечки не давал. Предварительный расстрел.

– Что? – приподняла брови Святая. – В каком смысле предварительный?

– В том, что пока еще не настоящий. Но об этом только мы знаем. А задержанный думает, что его и впрямь сейчас шлепнут. Я отдаю команду, патрульные наводят оружие. Я поднимаю руку, вроде как отмашку сделать, выжидаю пару секунд... Да какое там пару – обычно на первой уже голоса и начинают каяться во всех грехах. А этот не стал. Только харю скривил, будто мы не автоматы, а голые жопы в него нацелили!.. То есть, я извиняюсь...

– Продолжай, – мотнула головой предводительница храмовников.

– В общем, я руку с полминуты держал, а он только ухмыляется. И вот тут-то Скворцов, вон тот патрульный, – показал за решетку Заумян, – не сдержался и брякнул: мол, ему хоть гвозди в башку забивай, всё равно рта не откроет. А я возьми да скажи: «А ты попробуй». Скворцов сбегал за мо-

лотком с гвоздями, приставил один к затылку Полетаева, и тот вдруг побледнел, затрясся... Всё, говорит, скажу, только уберите это от моей головы. Ну и правда, всё рассказал.

– Что именно?

– То, что на «архангельского демона» работает, что уже пятнадцать лет за нами шпионит.

– А какую именно информацию он передавал хозяину? – ледяным тоном поинтересовалась Святая. – Как поддерживал связь? Где обитает этот самый «демон» и что из себя представляет?..

– Пока не успели выяснить, – отдуваясь, ответил начальник патрульной службы. – Я за вами сразу послал, подумал, что вам это тоже будет интересно.

– Мне интересно, – сказала Святая. – Только я сама его допрошу. Развяжите ему руки и оставьте нас наедине.

– Но как же?.. Ведь он...

– Для вас нужно повторять приказы? – вздернула бровь предводительница храмовников.

– Нет-нет!.. – побледнел Заумян. И заорал на стоявшего за решеткой патрульного: – Ты что, оглох?! Развязывай Тимохе руки и пулей оттуда!

Святая не торопилась заходить за решетку. Она с интересом разглядывала из-за нее разминающего запястья пленника. Этот интерес был вовсе не поддельным, а самым что ни на есть искренним, что в первую очередь удивило саму

предводительницу храмовников. Что и говорить, мужчины в последние годы превратились для нее лишь в инструмент для достижения целей, и о том, что сама она до сих пор женщина, Святая стала все чаще забывать. И вот сейчас, совершенно неожиданно и, казалось бы, совсем не ко времени и не к месту, она почувствовала, что именно женщина в ней и начинает просыпаться.

Задержанный выглядел молодо, ему трудно было дать больше тридцати лет, хотя предводительница храмовников помнила слова Заумяна, что Тимофей Полетаев попал к ним пятнадцать лет назад, когда ему было восемнадцать. Стало быть, сейчас он в возрасте Христа, а это для мужчин тот самый возраст, когда они уже перестают быть глупыми мальчишками. По крайней мере – большинство из них.

Этим парнем трудно было не залюбоваться. Несмотря на вздувшийся кровоподтек и разбитые губы, он был чертовски красив. Светлые спутанные вихры падали на гладкий высокий лоб, из-под которого хмуро поблескивал пусть и один – второй превратился в щелку, – но изумительно чистой синевы глаз. Святая вспомнила, что у нее самой глаза были когда-то такого же, словно у летнего озера, цвета; это сейчас он трансформировался в синеву закаленной стали.

Обнаженный торс узника не поражал рельефной мускулатурой, но было видно, что под кожей нет ни капли лишнего жира. Предводительница храмовников поймала себя на том, что безумно хочет коснуться этого тела, прижаться к нему

лбом, губами...

Странно, что она совсем не помнила этого патрульного. Ведь не видеть она его не могла. Или же форма делает людей безликими? Скорее всего, так для нее и было. Патрульный – это не мужчина, а функция. Топором не любят – им рубят деревья. Или головы. Даже такие красивые, как эта.

«Нет, – подумала Святая, – этого парня я ни за что не позволю убить. И держать такую красоту за решеткой тоже обидно и жалко. В то же время, если он и впрямь окажется шпионом, ему нельзя предоставить свободу – разве что приковать к себе цепями. Впрочем, последнее не лишено смысла, ведь цепь не обязательно должна быть железной и осязаемой». Святая твердо решила: каким бы ни был итог их предстоящей беседы, этого красавца она привяжет к себе. Только в том случае, если парень и впрямь окажется посланцем врага, придется сделать так, чтобы он забыл о прежнем хозяине и о своем служении ему. Хотя, возможно, этого делать не стоит – кто знает, когда и как это уникальное обстоятельство может пригодиться. К тому же помня о своих провинностях перед ней, он станет более послушным и преданным. Ведь теперь его хозяйкой будет она. Ныне, присно и во веки веков.

Приняв такое решение, предводительница храмовников отбросила туманящие разум непривычные чувства и прошла за решетку. Узник на это, казалось, никак не отреагировал. Разве что плотнее сжал кровоточащие губы и перевел взгляд на стену.

Святая достала платок:

– На, вытрись. Тебя больше никто не тронет, обещаю.

Полетаев едва заметно вздрогнул и демонстративно отвернулся.

– Вот дурачок, – улыбнулась предводительница храмовников. – Это всего лишь платок, чего ты так испугался? Или, может быть, не привык, когда о тебе заботятся?

Святая подошла к парню вплотную и осторожно промокнула платком кровоточащие губы. Тот снова дернулся, но храмовница положила ему на плечи ладони, и Полетаев вдруг словно осел, превратившись из камня в ком податливой глины. Он расслабленно, со всхлипом вздохнул, поднял голову и, встретившись взглядом с глазами Святой, не смог его больше от них отвести.

Контакт был налажен, оставалось сделать так, чтобы для узника, кроме нее, не существовало сейчас никого. Она могла совершить это, не разнимая губ, но слова будто сами просились наружу.

– Смотри на меня, смотри, мой хороший. Ты теперь мой. Ведь ты же хочешь этого?

Парень глубоко и часто задышал. Хотел что-то сказать, но так и не смог, лишь кивнул.

– Молчи, пока молчи, только смотри на меня. Смотри и помни: ты мой. Ты только мой, больше для тебя никого нет. Никого больше нет и не будет, только я.

– Только ты... – наконец разомкнул разбитые губы плен-

ник.

– Только я. Только ты и я, больше никого.

– Больше никого...

– Тебя зовут Тимофей? Для меня ты будешь Тим. Только для меня одной... Как твое имя?

– Тим.

– Ты сделаешь всё, что я попрошу, Тим.

– Сделаю всё!.. – подался вперед парень, но Святая напрыгла руки и удержала его на месте.

– Ты всё расскажешь, что бы я ни спросила. От меня у тебя нету тайн, нет секретов.

– Я всё, всё расскажу! – горячо зашептал Тим.

– Хорошо, хорошо. Я буду очень внимательно слушать тебя. Мне хочется знать о тебе всё. Но сначала ответь мне, Тим: ты и вправду шпион?

Здоровый глаз узника мгновенно расширился. В этом взгляде читался страх быть покинутым и отверженным, а также отвращение и ненависть к себе, дикая тоска, затаенная боль, но сильнее всего, пожалуй, покаяние и отчаянная мольба о прощении. Из рта вырвался полувздых-полустон:

– Да...

– Ничего, – провела по его щеке ладонью Святая. – Ты больше не шпион, ведь ты теперь мой, правда?

– Правда!.. – выпалил Тим теперь уже с облегчением и надеждой.

– Ты служил «архангельскому демону»?

– Да, ему. Только мы называем его Подземным Доктором.

– Вот как? Почему?

– Потому что он лечит. Он может вылечить даже мертвого. Не всегда, но может.

– Постой, – осенила вдруг Святую догадка. – Потому ты и не боялся расстрела? Ты думал, что Доктор тебя всё равно вылечит?

Парень кивнул.

– А почему ты испугался гвоздя в голову? Оттого, что разрушенный мозг не подлежит восстановлению?

– Да, поэтому. Если сильно повреждено тело, Подземный Доктор может пересадить мозг в другую голову, а если разрушен мозг...

– В другую голову? – расширила глаза теперь и предводительница храмовников. – Но разве такое возможно? И ведь тогда перестанет существовать тот, чья это голова.

– Подземный Доктор делал это много раз. А другой... Это ведь не обязательно должен быть человек. Сгодится волк, медведь, любое крупное животное.

– Волк?.. – ахнула Святая. – Так значит, ты и впрямь разговаривал с волком, когда тебя застукал напарник? Это был волк с человеческим мозгом?..

– Да, это был такой волк...

– И что ты ему рассказал?

На лице парня отразился испуг, который тут же сменила гримаса отчаянья.

– Ну чего ты, чего? – легонечко встряхнула его предводительница храмовников. – Я не собираюсь тебя за это наказывать. Ты ведь тогда еще не был моим. Но мне следует быть в курсе, что знает о нас твой бывший хозяин. Обо всем этом подробно ты мне расскажешь чуть позже. А сейчас ответь, что ты передал связному этой ночью?

– Я рассказал о том, что не вернулась «галера» карателей. О том, что сгорела Вотчина Деда Мороза. А еще... – Тим замолчал, опустив голову.

– Говори же, не бойся!

– Я рассказал о твоём сыне... О Глебе. О том, что он теперь здесь, с нами.

Святая вздрогнула и, резко сдернув руку с плеча парня, подняла ее, словно готовясь ударить. Впрочем, она тут же вернула ладонь на место, а лицо приняло прежнее благодушное выражение.

– Ничего, всё в порядке, – то ли Тиму, то ли себе самой сказала она. И приблизила губы к уху парня: – Ты ведь больше никому не станешь говорить обо мне и моем окружении?

– Нет, конечно не стану! Я лучше умру!

– Умирать пока не нужно. Тем более, ты мне еще не рассказал всего остального, как обещал.

Тим и впрямь рассказал всё. Святая получила подробнейшие ответы на все свои вопросы. Теперь она знала о таинственном «архангельском демоне» то же, что знал о нем По-

летаев. И даже больше, потому что она хорошо умела догадываться, и еще лучше – делать выводы из полученных фактов. Но храмовница понимала, что Тим не мог знать о Подземном Докторе абсолютно всего, хотя бы уже потому, что последние пятнадцать лет он провел здесь, и о жизни в монастырских подземельях мог слышать только от четвероногих связных. К тому же, у Доктора наверняка были свои секреты, которыми он не собирался делиться со своим окружением. И когда парень замолчал, преданно поедая ее единственным видящим глазом, она спросила:

– Есть в вашем Докторе то, чего ты не можешь понять? Может, он что-то скрывает от всех и по нему это видно?

На этот раз Тим ответил не сразу. Он глубоко задумался, а потом нерешительно помотал головой:

– В Подземном Докторе многое трудно понять. Он всем помогает, даже «диким» мутантам. Но все-таки он... не то чтобы злой, но не добрый. А еще он всем мужчинам подземелья сделал операцию, чтобы они не могли... ну, в общем, чтобы женщины не могли от них забеременеть.

– Вазэктомия?..³ – прошептала Святая – у нее вдруг перехватило дыхание. – И тебе... тоже?

– Нет, – замотал головой парень. – Там не было для меня... пары, и Доктор меня пожалел. Наверное. Может, и сделал бы потом, но я ведь там пробыл недолго.

---

³ Вазэктомия (мужская стерилизация) заключается в хирургическом иссечении семявыводящих протоков. (Материал из *MED Энциклопедии.*)

– Он сказал, для чего ему это?

– Сказал, что детей будет не прокормить, что уход за ними отнимет много времени и сил. Но ведь это... это же неправильно! Дети – это хорошо. А еды им нужно не так уж и много. И потом, старики же умирают, а если нет детей, то когда-то не останется никого. Так думали многие, но спорить с Подземным Доктором никто не осмелился.

– А себя... Себя Доктор тоже стерилизовал?

– Конечно нет!

– Почему ты так уверен? Он же мог это просто не афишировать.

– Так ведь у Подземного Доктора родился сын.

– Что?!. – вновь едва не потеряла дар речи Святая. – Сын?.. У него?.. Там?..

– Да. Тамара от него родила.

– Почему ты мне этого не рассказал сразу?

– Прости!.. – попытался вскочить Тим, но храмовница его вновь удержала. – Ты не спрашивала, а я забыл. Я ведь его сына даже не видел.

– Почему не видел? Он родился уже после того, как ты перебрался к нам?

– Нет, я еще жил там. Просто Доктор держит его взаперти в дальней келье, куда не дозволено совать нос никому. Под страхом смерти. Он так и сказал, что прикончит любого, кто хотя бы подойдет к тому туннелю.

– Кроме матери, – то ли спросила, то ли просто добавила

Святая.

– Да, кроме Тамары, – сглотнул вдруг парень. – Но...

– Но?.. Продолжай, почему ты замолчал? Он что, и ее заточил в этой келье?

– Нет. Он пересадил ее мозг в тело волчицы. И сделал так, чтобы она не могла говорить.

– Да он просто изверг, ваш Доктор! Сумасшедший изверг!

– Тамара сама попросила его сделать это.

– Но почему?!

– Потому что иначе он бы ее убил.

Глава 6

Просьба о помощи

Подземному Доктору давно не приходилось так нервничать, как последние несколько дней. Обычно подконтрольные ему вещи и события словно взбунтовались, возжелав неограниченной свободы. Все вдруг пошло не так, как должно было идти, как хотелось, как требовалось Доктору.

Взять хотя бы маленькую пациентку. Не самым критическим, но ужасно обидным для его профессиональной гордости было то обстоятельство, что девочка не спешила поправляться. Да, жабры прижились хорошо, и новоявленная русалка могла ими дышать уже в полной мере. С уцелевшим легким, точнее, с его изрезанными и заново слепленными с помощью наногеля остатками дела обстояли куда хуже – оно работало даже не вполсилы, на что рассчитывал Доктор, а едва ли на треть. То есть, теперь с помощью этого органа кровь юной пациентки получала в шесть раз меньше кислорода, чем было при двух здоровых легких. Подземный Доктор и до этого понимал, что долго на воздухе девочка теперь находиться не сможет, однако он подразумевал при этом, что речь идет как минимум о двух-трех часах. Теперь же он опасался, что уже в течение получаса «русалочка» начнет задыхаться и спасением может стать лишь срочное погружение

в воду. Что будет ребенок делать с этим зимой, не хотелось и думать. Впрочем, до зимы девчонке еще нужно было дожить, а она уже третий день после операции не приходила в сознание. Организм пациентки оказался сильно истощенным; судя по всему, свои недолгие годы она жила впроголодь и практически без движения – мышцы были тонкими и дряблыми, как распущенные веревки. К тому же девочка потеряла очень много крови. Ей бы очень не помешало переливание, но группа оказалось редкой, первой отрицательной, которой не было ни у одного обитателя монастырских подземелий. Разумеется, из числа людей. Кровь животных, хотя бы и разумных, не подходила категорически. Да, с формальной точки зрения кровь являлась таким же полноправным и уж никак не менее значимым органом, чем сердце, легкие или печень. Но если последние с помощью наногеля можно было легко пересадить хоть от волка человеку, хоть от голубя крысе, то с кровью дело обстояло иначе. Точнее говоря, оно не обстояло никак. Гель действовал быстро, и в случае с неподвижными органами и тканями этой скорости вполне хватало для совмещения донорской части с телом реципиента. Но кровь смешивалась куда быстрее, чем гель успевал совместить разнородные составляющие. Доктор дважды, на безнадежных, потерявших слишком много крови мутантах, проводил эксперимент по вливанию им крови животных: в первый раз свиньи, во второй – волка. В обоих случаях у пациентов развивался гемотрансфузионный шок – клетки кро-

ви склеивались внутри сосудов, образуя вязкую массу, что приводило к множественному образованию тромбов. Сосуды, главным образом сердца и почек, быстро забивались, и дело заканчивалось смертью. В случае с «русалочкой» Подземный Доктор даже и думать не стал, чтобы совершать третью попытку. Оставалось лишь ждать, когда юный организм сам выработает нужное ему количество крови и пациентка наконец пойдет на поправку – для начала хотя бы придет в сознание.

Другим обстоятельством, тревожащим Подземного Доктора даже больше, чем состояние девочки, было полное отсутствие вестей от внедренного к храмовникам Тимофея Полетаева. Тот не выходил на связь также третьи сутки. Во время последней встречи со связным, человековолком Павлом, Тимофей сообщил, что будет патрулировать ночью еще четыре смены и хотя бы пару раз постарается быть на одном из трех оговоренных ранее мест. Павел и еще два волка-связных, Роман и Григорий, ждали его каждую ночь, однако патрульный так и не появился. Разумеется, случиться могло всё что угодно, не обязательно плохое. Начальство патруля могло изменить график, отправить Полетаева по другому маршруту, наконец, тот мог просто заболеть. Но предчувствие тревожным комом ворочалось в области сердца, призывая Доктора готовиться к худшему варианту. Это было сейчас очень и очень некстати! Именно сейчас, когда любая информация из стана Святой была важной, как никогда, позарез

необходимой. От нее зависело так много, что «архангельский демон» готов был платить за сведения кровью – в разумных пределах даже своей.

Тревога росла лавинообразно. Одна неприятность, вторая; колючие, вонзающие занозы в сердце мысли – и вот уже раздражение перерастает в бессильный гнев и рвущее душу отчаянье. Подземный Доктор метался меж стен немногим большей, чем у всех остальных, кельи, подобно раненому хищнику, разве что не выл от досады и невозможности повлиять на события. Он пренебрег даже одной из своих неуклонных обязанностей: не пошел мыть и кормить донора, поймав себя на мысли, что видеть того сейчас будет нестерпимо больно.

Робкий стук в дверь заставил его вздрогнуть.

– Кто там?! – взревел он и правда как зверь.

– Это я, – послышался испуганный голос медсестры Евдокии.

Доктор рывком распахнул дверь.

– Ну?

– Девочка... Она очнулась.

Подземный Доктор, оттолкнув женщину, бросился к лаборатории. «На-ко-нец-то хоть что-то!» – барабанной дробью застучало в голове. Конечно, если бы отозвался Полетаев, радость оказалась бы куда полнее и ярче, но профессиональные победы для Доктора тоже немало значили, а неудачи в этой сфере он уже давно привык считать признаком неком-

петентности и чуть ли не личным оскорблением.

Девочка сидела в наполненной водой ванне, делая попытки выбраться оттуда. Сил на это у нее определенно не хватало, отчего в широко распахнутых светло-серых глазах плескался испуг вперемешку с отчаяньем. Откровенно страшила ее и воткнутая в вену игла капельницы. Увидев Подземного Доктора, «русалочка» замерла, судорожно вцепившись в края ванны.

– Ну что, сероглазка, проснулась? – выдавил подобие улыбки Доктор.

– Я не Срелазка, я Нюра, – хрипло, с одышкой, ответила девочка. – А ты кто такой?

– Я твой врач. Доктор.

– Чаво это? – насупилась Нюра.

– Ты не знаешь, кто такой врач? Это тот, кто лечит людей.

– Знахарь, што ли?

– Ну, можно сказать и так.

– А пошто ты меня лечил? – спросила девочка, но тут вдруг глаза ее наполнились хмурой темнотой. – Я вспомнила... Меня каратель ножиком тыкал.

– Да, тебя сильно ранили. Мне пришлось удалить одно твое легкое. Второе тоже работает плохо, поэтому я вживил тебе жабры. Капельницы не бойся, по этой трубке тебе поступает лекарство.

– Ничо не сразумела, – прохрипела Нюра и закашлялась.

– Тебе нельзя еще много разговаривать. И нагружать лег-

кое тоже сильно не стоит. Опустись полностью в воду и лежи пока там.

– Я же задóхнусь, – прошептала, откашлявшись, девочка.

– Нет, всё будет в порядке. Я ведь сказал, что вживил тебе жабры. Ты теперь можешь дышать под водой, как рыба.

– Ты врешь, знахарь, – робко улыбнулась Нюра.

– А ты попробуй, – улыбнулся в ответ Доктор, и это получилось у него куда естественней, чем поначалу.

– Ты тоже хочешь, чтобы я померла, – вновь помрачнела маленькая пациентка.

– Нет, я этого не хочу. Зачем бы я тогда тебя лечил? – сказал «архангельский демон» и насторожился: – А почему ты сказала «тоже»? Кто еще хотел твоей смерти? Каратель?

– Каратель на то и есть, чтобы убивать, – мотнула головой девочка. – Он и не хочет, а делает. Зато другой... – тут глаза Нюры превратились в узкие сверкающие щелки. – Страшила мохнатый, Глеб этот!..

– Что?! – едва не упал в ванну к «русалочке» Доктор. – При чем тут Глеб? Где ты его видела?

– Так он тамока и был тоже. Меня в шалаш посадил, когда каратели приплыли, а сам стоял и смотрел тока. А я сквозь дырки из шалаша глядела. Смотрю, каратель к нам идет. А я и не струхнула совсем, думала, Глеб-то, такой большой и сильный, всяко меня тронуть не даст. А каратель подошел, ножик у страшилы выхватил и ко мне. Тот даже и не шелохнулся, трус мохнатый! А каратель меня... – Нюра снова

закашлялась, но ненадолго, а потом, хватая широко открытым ртом воздух, с трудом проговорила: – Коли поправлюсь, убью этого Глеба. А ежели помру, ты его убей за меня, ладно?

Подземный Доктор почувствовал, как волнующие мурашки, шустро перебирая лапками, пробежали по коже с головы до пят и обратно.

– Не надо тебе умирать, – прохрипел он, – и убивать самой никого не надо. Обещаю, ты скоро получишь от меня шкуру этого Глеба...

Девочка с торжествующей улыбкой опустилась на дно ванны, продолжая с благодарностью смотреть из-под воды на «доброе знахаря».

По переговорной трубе застучали. Это могли быть только важные вести, по пустякам его тревожить никто бы не решился. Неужели удача вернулась из краткосрочного отпуска и вслед за пошедшей на поправку девочкой нашелся Тимофей Полетаев? Подземный Доктор, не будучи суеверным, всё же постучал согнутым пальцем по деревянной затычке, прежде чем ее вынуть.

– Да, – сухо бросил он в горловину трубы.

Искаженный волнением ответный голос он не узнал.

– Григорий говорит, у него для вас что-то... Позвать?

– Не надо. Передай, пусть ждет. Пусть молча ждет! Сейчас приду.

Доктор обернулся к стоявшей у двери Евдокии:

– Смотри за девочкой. Не давай ей долго дышать легким

– минут десять, не больше, а потом как минимум пару часов
– жаберное дыхание. Следи за капельницей.

Медсестра кивнула и дрогнувшим голосом спросила:

– Будет хоть жить-то?

– Пусть только попробует не жить, – неохотно буркнул
Подземный Доктор. – Всё, займись делом!

Он вышел из лаборатории и поспешил на встречу с человеком. От ее результатов сейчас зависело очень многое. «Хоть бы Полетаев нашелся!» – сжал кулаки «архангельский демон».

Но уже по виду Григория, понуро опустившего плоско-мордую голову, Доктор понял, что надежде сбыться не суждено.

– За мной, – не сбавляя шага, бросил он четвероногому вестнику.

Григорий потрусил следом за Подземным Доктором, пока тот, зайдя в один из коридоров-туннелей, не встал под тускло светившей лампочкой, холодным блеском отразившейся в его глазах.

– Ну?

Волк-мутант поднял голову, стараясь при этом не смотреть на два пугающих огонька.

– Слышал разговор-р, – глухо и сипло заговорил он, рубя фразы на короткие отрезки. – Там, наверх-рху. Двое патрульных. Один отстал. Свер-рнул за угол. Р-расстегнул ширинку. Втор-рой заор-рал: «Куда?! Ссы здесь! Пр-ри мне.

Или хочешь, как с Тимохой?» Пер-рвый вер-рнулся. Помочился р-рядом. Спр-росил, что с Тимохой. Втор-рой злился. Молчал. Потом сказал. Тимоху пытали. Пр-ризнался. Потом увела Святая.

– Куда увела? – не выдержал Доктор. – Ты можешь связать больше трех слов вместе?

– Могу. Но патр-рульный не знал. Не знал, куда она его увела. Пер-рвый сказал: Святая хочет казнить шпиона. Сама. Втор-рой стал р-ругаться. Назвал пер-рвого мудаком. Пер-рвый тоже стал р-ругаться. Сказал: «Ты сам му...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.